

**Black
Dirt,
Ellis**

**расщепи
мою**

суть

18+

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Black Dirt

Расщепи мою суть

«Автор»

2026

Dirt B.

Расщепи мою суть / В. Dirt — «Автор», 2026

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ: НИКОГДА НЕ ПОДНИМАТЬ ВЗГЛЯД. Итан следует ему неукоснительно. Новое лицо в мёртвом городке Гримли. Учёба, мытьё полов в забегаловке, молчаливая газировка по средам в местном пабе. Идеальная маскировка для тех, кто бежит от ужаса своего прошлого. **ПРАВИЛО ВТОРОЕ: НИКОМУ НЕ ДОВЕРЯТЬ.** Макс — вокалист похабной панк-группы, бабник, задира, ходячая катастрофа. Он первый, кто чует фальшь. Видит новичка с первого взгляда и понимает: что-то здесь не так. Этот человек слишком осторожен, слишком тихий, слишком... ломается от одного прикосновения. Вместо того чтобы вывести на чистую воду, Макс заключает странное пари: «Я буду хранить твой секрет. А ты попробуешь не сбежать». **ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ: ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ ТАКИХ, КАК МАКС.** Теперь Итан заперт в двойной ловушке: между страхом разоблачения и навязчивым вниманием того, кто знает правду. А Макс, начав игру из скуки, вдруг обнаруживает, что за маской «тихони» скрывается не тайна, а рана — такая же глубокая и опасная, как его.

© Dirt B., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	27
Глава 6	32
Глав	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Black Dirt

Расщепи мою суть

Глава 1

Тишина в квартире была особой породы. Она впитывала звуки, но не гасила их, а консервировала, чтобы потом выдать обратно искажённым эхом в самый неподходящий момент. Парень стоял в дверном проёме своей комнаты, пальцы впивались в косяк. Перед ним, застывшая в классической позе обвинителя, была мать. Её голос уже двадцать минут метался по замкнутому кругу: неуважение, распушенность, опасность. На слове «распушенность» у неё на шее вздулась жила — сизая, которую он помнил с детства. Она пульсировала в такт словам, как отдельное сердце. Сегодняшним предлогом стала расстёгнутая на одну пуговицу рубашка.

— ...И я не позволю тебе... — шипела мать.

Парень продолжал смотреть на коричневую водяную разводку у стены — карту несуществующего континента, которую он изучал всё детство. Его взгляд скользнул вниз, к двум чемоданам, жмущимся к ножке трюмо в тёмном углу. Они ждали знака. Внутри что-то щёлкнуло, как переключатель в древнем приёмнике. Волна шума схлынула, оставив только звон. И вместе с ней — странное, почти эйфорическое онемение в кончиках пальцев. Как будто тело на секунду стало чужим и от этого — неожиданно лёгким. Он медленно, почти церемониально, отвел взгляд от стены и посмотрел на мать. Прямо в глаза. Не с вызовом, а с констатацией факта их наличия. Мать на миг смолкла, сбитая с ритма этой внезапной пустотой во взгляде.

Не сказав ни слова, парень развернулся и вошёл в свою комнату. Комнату с замочной скважиной, всегда остававшейся с внешней стороны. Сегодня дверь была распахнута — редкая милость. Взяв с кровати потрёпанный рюкзак, набитый книгами и носками, накинул на плечо. Потом подошёл к чемоданам. Шаркая подошвами по линолеуму, он выкатил их в прихожую. Колёса гудели, нарушая тишину похоронным маршем.

— Куда ты собрался?! — голос матери сорвался на визгливую ноту, в которой было больше паники, чем гнева. — Я с тобой не закончила!

Он остановился, уже у порога. Не оборачиваясь. Смотря на щель между дверью и косяком, за которой виднелся тусклый свет лестничной клетки. Он сделал вдох, наполняя лёгкие отработанным, грудным резонансом. Голос, который вышел из горла, был низким, плоским, абсолютно чужим.

— На учёбу. Как и договаривались. Поезд через час.

Он толкнул дверь плечом. Холодный воздух подъезда ударил в лицо — запах сырой штукатурки и чужого табака. Не оглядываясь на крик, который начал рваться из квартиры и тут же был проглочен захлопывающейся дверью.

Только когда алюминиевые двери лифта со скрежетом сомкнулись, отрезав от того мира, тело вдруг дрогнуло. Спина съехала по холодной, липкой от чьих-то ладоней стали. Он не заметил, как оказался на корточках — просто в какой-то момент пол оказался ближе, чем должен был. Он упирался спиной в стенку, чувствуя, как сердце стучит в ушах, будто он бежал три лестничных пролёта. Дрожащими пальцами он достал из кармана телефон. На экране — единственный контакт, не подписанный именем, просто смайлик. Два гудка.

— Я выехал, — прошептал он в трубку. Голос не слушался, норовил сорваться вверх, и он придавил его, заставил звучать ровно. — Всё нормально.

Фраза повисла в спёртом воздухе. Лифт с глухим стуком достиг первого этажа.

Поезд нёсся сквозь пейзаж, как нож по старой, грязной скатерти. За окном мелькали задние дворы цивилизации: ржавые крыши ангаров, скелеты неработающих кранов, поля, усе-

янные пластиковым мусором. Дым из труб котельных тянулся низко, цепляясь за землю, не желая отпускать.

Итан сидел у окна, прижав лоб к холодному стеклу. В ушах всё ещё стоял звон — не от крика, а от его отсутствия. Тишина оказалась шумной, стоило лишь прислушаться к собственному нутру. В ней пульсировали воспоминания: скрип двери, шаги по коридору ночью, шёпот из-за стены. Он заставил себя открыть рюкзак, достать бумажный пакет. Внутри лежал пирожок с мясом, купленный на вокзале. Акт неповиновения. Он откусил. Тёплый, жирный фарш, лук. Желудок, привыкший к скудным, контролируемым пайкам, сжался спазмом. Он подавив рвотный позыв, сделал ещё один укус. Наказание и награда в одном.

Его взгляд упал на отражение в тёмном стекле. Призрачное лицо, плывущее над унылыми полями. Короткие, тёмно-каштановые волосы. Широкие брови. Плотные сжатые губы. Лицо незнакомца. Он изучал его годами в зеркале ванной, стараясь стереть все мягкие, округлые черты, все намёки. Теперь это лицо смотрело на него извне. Оно не было красивым или уродливым. Оно было функциональным. Он провёл языком по внутренней стороне щеки — привычный жест проверки, на месте ли челюсть, та ли форма скул, не поплыла ли граница между тем, что он лепил годами, и тем, что проступало изнутри. Отражение повторило движение. Совпало. Живое.

Гримли, — пронеслось в голове. Название, которое Роза когда-то обронила в переписке. «Дыра, но своя». Город-укрытие. Место, где можно быть серой мышью, незаметной точкой на грязном полотне. Он достал из внутреннего кармана куртки папку. Документы. Паспорт. Студенческий билет. На всех — одно имя: Итан. Данное матерью в попытке предвосхитить судьбу. Ирония была настолько горькой, что её можно было почувствовать на языке, как лук из пирожка.

Поезд взвыл, влетая в короткий тоннель. На мгновение в окне воцарилась абсолютная тьма, и отражение стало кристально чётким. В этих тёмных глазах, смотрящих на него из ниоткуда, промелькнуло что-то кроме страха. Любопытство. Смутное, робкое, как первый росток из треснувшего асфальта.

И кем я там буду? — подумал он. Мысль была пугающей и новой. Он не стал её додумывать.

Вырвавшись из тоннеля, на горизонте — в серой пелене дождя — замаячили первые, уродливо-величественные очертания фабричных труб Гримли. Они не сулили ничего хорошего. И в этом, парадоксально, была надежда.

Итан снова прижался лбом к стеклу, закрыл глаза. Просто чтобы привыкнуть. К тишине. К движению. К тому, что за дверью его будущей комнаты Её больше нет.

Вокзал встретил его глотком промозглого воздуха, вырвавшегося из чрева поезда вместе со струёй пара. Воздух был насыщен угольной пылью, металлом и чем-то кислым — то ли старым пивом, то ли мокрой шерстью. Отсутствие привычной среды ощущалось почти как отравы и лекарство одновременно.

Итан выкатил чемоданы на перрон, и его обступила архитектура упадка. Викторианская спесь, разбитая вдребезги временем. Высокие окна из чёрного стекла, когда-то горделивые, теперь залеплены рекламой дешёвого пива и курсов маникюра. Кирпичная кладка цвета запёкшейся крови покрыта вековым слоем копоты и граффити. Крыша вокзала протекала — капли падали в ржавые цинковые вёдра с монотонным, метрономным плюк-плюк-плюк.

Люди текли мимо, не глядя по сторонам. Плечи сгорблены, взгляд уставленно упирается в землю на три шага впереди. Здесь не было суеты мегаполиса — было медленное, вязкое движение по накатанной колее отчаяния. Свобода Гримли оказалась приземлённой, тяжёлой. Итан сделал глубокий вдох. Воздух обжёг лёгкие не холодом, а вкусом. Вкусом чужого, недружелюб-

ного места. Здесь не ждали подвоха — его принимали как данность. И в этом, парадоксально, была своя честность. Город не обещал ему ничего хорошего, а значит, и не мог обмануть.

Он потянул чемоданы к выходу, колёса подпрыгивали на разбитой плитке. Над аркой висел щит с названием города, и одна буква отвалилась, криво повиснув на проволоке. «ГРИЛИ». Так даже лучше.

Моросил тот самый знаменитый гримлийский дождь — не дождь даже, а атмосферная взвесь, мелкая, как пыль, проникающая под одежду. Площадь была заставлена бетонными цветочницами с пожухлой бурьяной зеленью.

И тут он её увидел. Розы стояла под ржавым козырьком остановки, кутаясь в кожаную куртку с оторванными заклёпками. От чёрной шапки волос вздымались две ядовито-розовые пряди, как сигнальные огни в тумане. Она смотрела не на Итана, а на два чемодана, которые он выкатил на перрон. На его рюкзак. На всё это наглядное, неопровержимое доказательство того, что он приехал не погостить.

Их взгляды встретились. На лице Розы промелькнуло что-то сложное: облегчение, переоценка, понимание. Потом она резко кивнула, будто ставя точку в каком-то внутреннем споре, и широко улыбнулась. Улыбка была яркой, почти неприличной на этом фоне.

— Боже, — крикнула она, перекрывая шум дождя и трафика. Голос у неё был хрипловатым, тёплым. — Ну ты и доходяга. Поехали.

Она не бросилась обниматься. Просто подошла — невысокая, даже по сравнению с его скромными ста шестьюдесятью с кепкой — ловко выхватила у Итана ручку самого тяжёлого чемодана и потащила к раздолбанной «Форде» цвета запёкшейся глины.

— Соскучилась? — спросил Итан, и в его голосе, несмотря на усталость после дороги, проскользнула знакомая только им двоим, лёгкая насмешка.

Розы, не оборачиваясь, бросила чемодан в багажник с глухим стуком.

— Жуть как. Только не говори никому.

— А что? Репутацию испортишь?

Розы обернулась, прищурилась, и в её глазах мелькнул старый, знакомый огонёк.

— Именно. Подумают, что у меня сердце есть.

Она хлопнула багажником и жестом указала Итану на пассажирское сиденье.

— Добро пожаловать в дыру.

Итан задержался на секунду, глядя на неё сквозь морозящий дождь. И впервые за долгие часы, за весь этот долгий, выматывающий день, он почувствовал, как внутри что-то отпускает.

Он сел в машину, и «Форда» фыркнула облаком сизого дыма, будто в знак протеста, но тронулась, скрипя всеми суставами.

— Ну что, — сказала она, и в голосе её прозвучала та самая, знакомая Итану с переписок, смесь сарказма и тёплой иронии. — Экскурсию провести? Смотри, слева — священная корова Гримли. Завод «Металлург». Не работает с девяностых. Теперь тут в лучшем случае сквал, в худшем — притон. Но кирпич классный, правда?

Она указала на громадину из красного кирпича с выбитыми окнами. Здание походило на череп гигантского животного.

— Я в прошлый раз его уже видел, — заметил Итан, но без раздражения. Скорее с любопытством.

— Одно дело просто видеть, — парировала Розы. — Но я ещё не рассказывала, как мы с Шоном туда лазили в том году. Он тогда уронил телефон в пролёт между этажами. Три часа орал, как резаный. — Она усмехнулась. — Так что теперь, у этой развалины своя история в моём сердце!

Итан фыркнул. Розы свернула на узкую улочку. С обеих сторон тянулись глухие стены складов и заброшенных мастерских, но впереди, в самом конце — словно финальная точка на

карте — из тумана выплыло двухэтажное здание из тёмно-красного, почти бурого кирпича. Оно стояло в тупике, замыкая перспективу, будто все дороги в этом городе вели только к нему.

— И, наконец, жемчужина в короне, — Роза кивнула вперёд.

— Паб «Гвоздь». Наше всё.

Даже в этот серый, промозглый день, когда нормальные люди сидели по домам, у входа стояла небольшая кучка народу — кто-то курил под навесом, кто-то держал банку с пивом, не обращая внимания на дождливую морось. Сквозь запотевшие окна пробивался тёплый жёлтый свет, и внутри угадывались движущиеся тени. Даже сквозь закрытое окно машины пробивался его гул — низкий, утробный, как дыхание большого зверя. Или как шум хриплых, больных лёгких.

Итан молча смотрел в окно. Пейзаж был плоским, придавленным свинцовым небом. Город-укрытие. Место, где можно раствориться, стать ещё одним сторбленным силуэтом на фоне фабричных труб. Он почувствовал странное, щемящее родство. Гримли был таким же, как он — пережившим, потрёпанным, игравшим роль, но всё ещё державшимся. Здесь можно было не бояться выделиться, потому что здесь все были слишком заняты тем, чтобы просто выжить.

Роза свернула во двор, заставленный мусорными баками.

— Ну вот мы и дома, — сказала она, выключая двигатель. Тишина, наступившая после воя мотора, была почти благоговеющей. — Готов к новой жизни?

Итан посмотрел на подъезд с облупившейся краской. На свою новую крепость.

— Готов, — тихо ответил он. И впервые за долгое время это не было ложью.

Квартира встретила их запахом старого дерева, лавандового средства для мытья полов и подгоревшего тоста. Это было не логово, а лайфхак от бедности — бывшее общежитие для рабочих завода.

Роза втокнула чемоданы в узкий коридор и щёлкнула выключателем. Свет от голой лампочки-груши упал на облупленные обои в мелкий цветочек.

— Не Букингемский дворец, — сказала она, сбрасывая куртку на единственный крючок, — но крыша над головой есть. И соседи сверху топают только до одиннадцати.

Итан замер на пороге, впитывая детали. Он не осматривал новое жильё. Он проводил инвентаризацию угроз. Дверь — одна, тяжёлая, с двумя замками (хорошо). Окна в гостиной выходили на глухую стену соседнего дома (отлично, никто не заглянет). Второе окно — на заставленный машинами двор. Пути отступления? Лестница. Пожарная лестница за балконом кухни, судя по ржавым скобам на стене.

В комнате царил беспорядок, который был не просто беспорядком — он казался слоистым, как будто здесь годами оседали вещи разных людей, и никто их не разбирал. Старый комод с отбитым углом, который Роза, судя по всему, притащила с блошиного рынка. На подоконнике коллекция керамических фигурок. Плакаты разных групп и исполнителей на стенах — некоторые выцвели так, что едва можно было разобрать, что на них изображено. В углу даже валялся скейтборд без колёсиков.

Но его взгляд скользнул дальше и зацепился за нестыковки.

На полке рядом с книгами Роза по журналистике лежали: три гитарных медиатора, пустая пачка сигарет «L&M», зажигалка с эмблемой черепа. И среди них — пустой блистер от таблеток без названия. На спинке единственного удобного кресла была накинута мужская фланелевая рубашка в клетку, в два раза шире, чем та, что носила Роза. В углу, прислонённая к стене, стояла электрогитара в чёрном чехле, на котором белым корректором было выведено кривое: «ШЛЮХИ». Рядом — пыльная бас-бочка от барабанной установки, гитарный кабель, обмотанный синей изолентой, и сломанная стойка для микрофона.

Всё это не было Розы. Розы не играла ни на чём, кроме нервов. А значит, здесь живёт кто-то ещё. Или, по крайней мере, оставлял вещи.

Итан перевёл взгляд на Розы.

— Твой сосед музыкант?

Розы, уже хлопотавшая у крошечной газовой плиты, махнула рукой, не оборачиваясь.

— А, это Максово барахло. Он тут формально прописан. Иногда заваливается, если воду в пабе отключают... или гитару забыл. Не обращай внимания, призрак практически.

Она произнесла это легко, но в голосе была лёгкая, привычная напряжённость. Как будто говорила о непредсказуемой погоде.

Розы повернулась, держа в руках две одинаковые кружки.

— Чай. Сахар там, в банке. Молока нет, прости.

Она пристально посмотрела на Итана, и её взгляд стал мягче, серьезнее.

— Ладно, с местными привидениями разберёмся потом. Правила. Ключ — твой. Мать твою сюда никто не пустит, даже если она будет в образе Деда Мороза. Твоя комната — вот эта.

Она прошла по гостиной и толкнула дверь, ведущую в бывшую кладовку. Помещение было крошечным, с одним окном под потолком. В нём помещались только узкая койка, шкафчик, стол и стул.

— Можешь даже замок повесить, если хочешь.

Итан зашёл внутрь. Идеально. Мало пространства — мало непредвиденного. Он поставил рюкзак на кровать. Жест, похожий на водружение флага.

Вернувшись в гостиную, он увидел, как Розы вертит в руке свою кружку, глядя куда-то мимо неё.

— И ещё что, — начала Розы, голос чуть сдавлен. — Ты будешь тут Итан для всех, я знаю... Только для меня... — она запнулась, — можно по-другому? Хотя бы когда одни?

Тишина повисла густая, нарушаемая только шипением раковины на кухне. Итан почувствовал, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный комок. Он посмотрел на фланелевую рубашку на стуле. На гитару. На чужое призрачное присутствие, вторгшееся в это пространство. Опасность была абстрактной, но вездесущей. Как радиация.

Он медленно выдохнул, заставляя голосовые связки принять привычную, низкую форму. Когда он заговорил, это прозвучало как констатация закона физики.

— Нет.

Он сделал паузу, глядя прямо на подругу, пытаясь вложить в этот плоский тон хоть крупицу извинения.

— Так... безопаснее.

Розы закусил губу. Кивнула — быстро, резко, будто ставя точку в том, что давно решила, но так и не приняла. Она отпила чаю, сморщилась.

— Чёрт, забыла сахар.

Она юркнула на кухню, оставив Итана наедине с призрачным присутствием незнакомого мужчины.

Итан взял свой чемодан и потащил его в свою новую, крошечную крепость. Дверь за ним не хлопнулась. Она осталась приоткрытой — ровно настолько, чтобы слышать, как Розы напевает что-то под нос. Это был звук не полного одиночества. И на сегодня этого было достаточно.

Лето в Гримли было не сезоном, а состоянием атмосферы. Воздух не грелся, а оттаивал, становясь влажным и тяжёлым, как мокрая вата. Дождь сменялся хмурым прояснением, когда сквозь рваные облака бил слепящий, но безжаркий свет, высвечивая всю убогость кирпича и асфальта.

Итан шёл по главной улице, вжимая в ладонь стопку распечатанных резюме. Бумага отсырела по краям. Он составил их по шаблону из интернета, указав имя, возраст и скудный опыт: «помощь в домашнем хозяйстве». Никаких рекомендаций. Никаких контактных лиц.

Его маршрут был выверен по карте, как рейд. Не рестораны. Там будут смотреть в лицо, задавать вопросы, могут потрепать по плечу. Не супермаркеты на кассе. Слишком много людей, слишком много глаз. Его цель была иной: забегаловки на отшибе, столовые при фабриках. Места, где начальству плевать на твоё прошлое, лишь бы ты не ронял подносы и не воровал из кассы.

В столовой «Металлург-2» пахло щами и отчаянием. Женщина-заведующая с сизыми тенями под глазами посмотрела на Итана поверх очков.

— Смена с шести утра. Справишься? Спина не заболит?

— Справляюсь, — выдавил Итан, заставляя голос звучать увереннее.

— Страховка?

Страховка. Документы. Официальное оформление. Это означало, что его имя появится в системе. Риск.

— Оформлюсь позже, — солгал он.

Женщина фыркнула и вернула листок.

— Без документов не работаем.

К полудню дождь начался снова, мелкий и назойливый. Итан спрятался под навесом автобусной остановки, рядом с парнем, доедавшим чипсы. Он развернул своё резюме. Капли дождя растеклись по строчкам, размывая чернила. Итан. Ничего. Никто.

Он сжал мокрый листок в кулаке, скомкал его в тугую, бесформенный шар и, не раздумывая, швырнул через дорогу в сторону ржавой урны, стоящей у витрины. Бумажный шарик описал нелепую дугу, ударился о край урны, отскочил и шлёпнулся на мокрый асфальт у самых дверей какого-то заведения. Так и остался лежать — серый, беспомощный, никому не нужный.

Итан смотрел на него несколько секунд, чувствуя, как внутри поднимается глухая, беспомощная злость. Даже себя нормально выбросить не мог.

Тогда его взгляд и поднялся выше, на витрину напротив. «Бистро на углу». Неоновая вывеска мигала, отражаясь в лужах. Окна были заляпаны, но внутри горел свет. На дверях — ни таблички, ни объявления. Но он увидел движущуюся фигуру — мужчину лет пятидесяти, вытиравшего стойку тряпкой с усталым, автоматическим движением. Это была необходимость, а не просто цель. Деньги таяли быстрее, чем лёд в июле.

Он перешёл улицу, отряхнул куртку и вошёл.

Воздух был пропитан запахом старого фритюра, хлорки и влажных тряпок. Линолеум на полу выцвел до неопределённого серо-бежевого цвета. За стойкой стоял тот самый мужчина, с седыми щетинистыми висками и глазами, похожими на две высохшие ягоды чернослива.

— Обед с часу, — буркнул он, не поднимая головы.

— Мне не поесть, — сказал Итан, кладя на стойку последнюю копию сухого резюме. — Работу ищу. Официантом. Разнорабочим. Чем угодно.

Мужчина — табличка на груди гласила «Артур» — медленно поднял на него взгляд. Он скользнул по коротким волосам, по слишком аккуратной, но дешёвой рубашке, по рукам, вцепившимся в край стойки.

— Опыт?

— Есть.

— Где?

— Помогал... в семейном деле. — Это была правда, если считать «делом» обслуживание матери.

— Паспорт?

Сердце ёкнуло. Он кивнул и медленно достал из внутреннего кармана паспорт. Артур взял его толстыми, покрытыми старыми ожогами пальцами, раскрыл. Его взгляд задержался на фотографии, потом перешёл на его лицо. Сравнивал. Молчал. Казалось, вечность.

— Итан, — наконец произнёс он, произнося имя так, будто пробовал на вкус. — Смена с четырёх дня до полуночи. Час на обед, но ешь что осталось с кухни. Зарплата раз в неделю, наличными. Воруешь — вышибу так, что зубы из жопы выпадут. Разбиваешь посуду — вычту из зарплаты. Согласен?

Итан выдохнул воздух, которого не замечал, что держал.

— Согласен.

— Форменной одежды нет, только фартук. Чистый.

Он швырнул ему обратно паспорт и снова уткнулся в стойку. Аудиенция была окончена.

На улице дождь почти прекратился. Итан свернул мокрое, теперь ненужное резюме в тугой рулон и засунул в карман. У него была работа. Чёрная, без контракта, без будущего. Работа-невидимка. Он посмотрел на мигающую вывеску «Бистро». Его отражение в стекле было размытым, неясным. Как и всё в этой новой жизни. Но под ногами был твёрдый, пусть мокрый и неровный, асфальт Гримли. Он повернул и сделал шаг, второй, уже рассчитывая в уме: первая зарплата — через неделю. До начала учёбы — три месяца. Время. У него, наконец, появилось немного времени.

Вдруг. Рёв мотора. Визг тормозов. Грязная, ржавая волна воды взметнулась из-под колёс старой «Тойоты», накрывая Итана с ног до головы холодным, мутным дождём, смешанным с дорожной грязью. Он замер. Мир на секунду стал чёрно-белым, мокрым и липким. По лицу текла вода, смешанная с дорожной грязью, — и вместе с ней пришло странное, почти облегчённое чувство: вот, внешнее наконец сравнялось с внутренним. Съёжившись, он смотрел, как машина остановилась в паре метров, у самого входа в обшарпанный ларёк с мигающей неоновой вывеской «24 ЧАСА» и треснувшим пластиковым козырьком.

Дверь распахнулась, и из неё, не глядя по сторонам, вывалился он. Высокий — под метр девяносто, наверное, — худой, но с широкими плечами, которые, казалось, были созданы для того, чтобы врезаться в толпу. Он был одет в чёрную, засаленную кожанку, под которой виднелась такая же чёрная футболка с нечитаемым принтом, и рваные джинсы, на которых грязь была уже частью дизайна. Но главное — волосы. Длинные, до плеч, паклевидные, выкрашенные в два цвета: правая половина — ядовито-белый блонд, левая — грязно-зелёный, как вода в заводском канале. Он выглядел как персонаж, вырванный из другого фильма — грязного, шумного, забывшего про правила.

Он шагнул в сторону ларька, но на полпути замер. Его взгляд, рассеянный и безразличный, скользнул по Итану, стоявшему мокрой статуей на тротуаре. На секунду в его серых глазах мелькнуло что-то похожее на скупающее любопытство.

— Оу, — протянул он, и голос его был низким, хриплым, с ленивой насмешкой.

— Извини. Не заметил.

Это не было похоже на искреннее извинение. Он констатировал факт, как будто говорить «прости» было так же естественно, как сказать «погода дерьмовая». Потом его взгляд скользнул по мокрому лицу Итана, по его сжатым плечам, по рубашке, которая теперь была не просто мокрой, а грязной, и уголок его рта дрогнул в кривой, почти самодовольной усмешке.

— Хорошо выглядишь, братан, — добавил он, и в голосе не было злости, только ленивое, пьяное веселье. — Модный прикид.

Он развернулся и шагнул в ларёк, хихикнув себе под нос. А Итан стоял молча. Вода стекала по его лицу, но он не вытирал её. Не отвёл взгляд, сверля пространство, в котором секунду назад стояла эта фигура — лишь подобие человека, в глазах Итана.

Дьшии, — сказал он себе. — Ты не здесь. Ты уже ушёл.

Он моргнул, выдохнул и пошёл дальше. Не важно. Он никогда больше его не увидит. Гримли — большой город. Три месяца до учёбы. Работа. Выжить. Всё остальное — не его дело.

Глава 2

Пахло едой быстрого приготовления и краской для волос — Роза обновляла розовые пряди над раковиной, обернувшись в старую простыню. Итан сидел за своим крошечным столом, выписывая в блокнот расписание на первую неделю работы. Цифры выходили угловатыми, безжалостными.

— Так, — голос Розы донёсся из ванной, приглушённый и весёлый. — У нас полчаса на то, чтобы привести себя в божеский вид.

Итан поднял взгляд от цифр.

— Зачем?

Роза появилась в дверном проёме, вытирая шею полотенцем. На её лице было написано святое недоумение.

— Среда же. «Гвоздь».

— У меня завтра первая смена. В четыре.

— И прекрасно! — Роза махнула рукой, будто отмахиваясь от пустяка. — Значит, в час ночи будем дома. Выспишься как младенец. Среда — это святое. Никаких «но».

Она произнесла это не как приглашение, а как констатацию погодного явления. В среду в «Гвозде» собирались свои. Это была аксиома.

— Мне... нужно подготовиться, — попытался возразить Итан, но звучало это слабо даже в его собственных ушах.

— К чему? К тому, чтобы пялиться в потолок? Ты в Гримли уже неделю, а из людей видел только стариков и меня. Это не жизнь, это — добровольное заключение. — Роза подошла ближе, её взгляд стал серьёзнее. — Там никто не будет доставать с расспросами. Никто никого не осуждает. Там просто... бывают. И я хочу, чтобы ты там побыл.

В её голосе звучала не только настойчивость. Звучала просьба. И ещё что-то, о чём Роза не договаривала — что-то важное для неё самой.

Итан отвел взгляд. Его пальцы сжали край стола. Паб. Люди. Шум. Алкоголь. Публичное испытание маски. Каждая клетка тела кричала «нет». Но он посмотрел на Розу. На её ожидание. На розовые пряди, которые та так старательно красила для этого вечера. Это был долг. И вызов. Если он не сделает этот шаг сейчас, он может никогда не сделать его.

— Хорошо, — тихо сказал он. Голос звучал чужим. — Только... я не буду много пить.

— Пить вообще не обязательно! — Роза вспыхнула улыбкой, и вся комната словно посветлела. — Там есть газировка. И потрясающе мерзкие чипсы с халапеньо. Бери самую тёмную рубашку, что у тебя есть. И не забудь про «бро-взгляд».

«Бро-взгляд» — это был их с Розой шуточный код для определённого выражения лица: слегка опущенные веки, расслабленный, чуть высокомерный уголок рта. Маска спокойной уверенности, которую Итан годами оттачивал перед зеркалом.

Через время они вышли из подъезда. Итан в чёрной футболке и тёмной джинсовке, чувствуя себя голым, несмотря на слои одежды. Роза щёлкала жвачкой и что-то бодро напевала. На улице уже сгущались ранние сумерки. Фонари зажигались с неохотным потрескиванием. Итан шёл, глядя под ноги, на тротуар, разбитый корнями старых деревьев. Он повторял про себя правила, как мантру: Короткие ответы. Кивки. Ухмылки. Не выделяться. Слиться с обоями.

Они свернули на ту самую улочку. В её конце пульсировал тусклый неоновый рубиновый свет от вывески. Буква «д» в слове «ГВОЗДЬ» мигала, отчаянно и бесполезно, как агонизирующий светляк. Из приоткрытой двери лился сноп жёлтого света, уличного смеха и первых, разминочных аккордов бас-гитары.

Рози остановилась перед дверью, положила руку на плечо Итана. Её пальцы были тёплыми, почти обжигающими на фоне вечерней прохлады.

— Помни, — сказала она, и её голос вдруг стал очень тихим, почти шёпотом, заглушаемым музыкой изнутри. — Всё окей. Я поддержу.

Потом она толкнула дверь. Волна шума, тепла, запаха пива, пота и старого дерева накрыла Итана с головой. Он сделал шаг внутрь. Вслед за Рози.

Первым ударил запах. Помимо перечисленного — впитавшейся в дерево столетиями кисловатой пены, табачного дыма, влажной шерсти курток и чего-то глубоко растительного, словно под полом пророс мох. Потом — шум. Не музыка, ещё нет. Это был гул десятка голосов, смеха, звон стаканов, грохота падающих фишек дартса. Звук, густой и однородный, как бульон.

Свет был жёлтым, тусклым, выхватывающим из полумрака детали: потёртый красный бархат диванов, столы, испещрённые поколениями ножей и цитат, стойку бара из тёмного, почти чёрного дерева. На стенах — слоёный пирог из афиш концертов, пожелтевших и покрытых новыми. Все они кричали агрессивными шрифтами:

«РЖАВОЕ ВЕДРО», «СКОРПИОНЫ», «ШЛЮХИ».

Рози уверенно повела его сквозь толпу, кивая и бросая короткие «Эй!» знакомым лицам. Итан шёл за ней, стараясь не задевать локтями, сжимаясь внутрь себя. Его взгляд скользил по людям, считывая коды: рваные джинсы, косухи, татуировки, цветные волосы. Все выглядели как участники какого-то неуставного сборища, где главное правило — отсутствие правил. Здесь его мешковатая одежда была камуфляжем.

Рози плюхнулась за стол, где уже сидели трое. Парень с ирокезом, выкрашенным в синий, девушка с лицом, исполосованным пирсингами, и крупный мужчина, похожий на медведя в клетчатой рубашке.

— Всем, это Итан, — объявила Рози, отводя для него стул. — Бро с характером. Не обижайте.

На него кивнули, махнули рукой. Никаких допросов. «Бро с характером» оказалось магическим паролем. Итан пристроился на краю стула, спиной к стене, чтобы видеть вход и сцену. Сцена — приподнятый над полом на уровень угол с чёрным задником. На ней сутились пять фигур. Рози говорила о них так часто и так подробно, что он узнал их, даже ни разу не видя. Та самая панк-рок группа «Шлюхи».

Фил, барабанщик, сидел за установкой, похожий на высеченную из гранита глыбу. Бритая под ноль голова, смуглая кожа, руки толщиной с хорошую ветчину. Он методично, с тупой сосредоточенностью, выставлял тарелки.

У края сцены, прислонившись к колонке, стоял Шон, басист. Молодой, почти мальчишеский, с огненно-рыжими волосами, собранными в небрежный хвост. Он что-то тихо говорил в телефон, улыбаясь, и в его позе была какая-то нездешняя, застенчивая мягкость. С ним, как Итан уже догадался, встречалась Рози.

Две гитары настраивали Гера и Ангел. Гера, соло-гитарист, — коротко стриженный блондин с неожиданно голубыми, холодными глазами, похожими на осколки льда. Он стоял прямо, отстранённо щипая струны, его лицо было бесстрастной маской. Ангел, ритм-гитарист, был его полной противоположностью. Темнокожий парень, чьё лицо почти полностью скрывала густая шапка чёрных кудрей. Из-под этой завесы виднелись только кончик носа и сжатые губы. Он двигался легко, почти танцуя на месте, и от его гитары лились тёплые, бархатистые аккорды.

И... Человек у микрофона. Он стоял, отвернувшись, поправляя стойку. Высокий, в чёрной футболке, на бледной коже рук плелись синие татуировки. Он что-то сказал Гере, и тот кивнул, не меняя выражения. Голос был низким, немного хриплым от сигарет, но в нём была ленивая, привычная власть. Макс.

Итан замер. Его пальцы, сжимавшие стакан с газировкой, слегка дрогнули. Те же широкие плечи, тот же разворот — как будто он занимал собой больше пространства, чем ему поло-

жено. Те же длинные волосы до плеч, больше похожие на паклю, выгоревшую на солнце и пропитанную химикатами. И теперь, в свете софитов, зелёно-белая мешанина выглядела не просто грязной, а агрессивной — как предупреждение.

Он, — пронеслось в голове Итана.

Макс обернулся, чтобы взять с пола банку энергетика. Свет софита упал на его лицо. Резкие скулы, тёмные, полуприкрытые веками глаза, ироничная складка у рта. Лицо, которое уже решило, что миру от него ничего не нужно, кроме его присутствия.

Итан не ожидал его здесь увидеть, и уж тем более в роли фронтмена. Гримли был маленьким, но не настолько. Или настолько? Он перевёл взгляд на Розы, на её горящие глаза, на то, как она смотрит на сцену. Она не знала. Итан не стал говорить. Это было не важно. Он снова посмотрел на сцену.

Макс отпил из банки, сморщился, вытер рот тыльной стороной ладони и обвёл взглядом зал, но не задержался надолго. Перевёл взгляд на Фила, кивнул, и его голос, усиленный микрофоном, перекрыл гул паба:

— Ладно, уроды. Пора прочистить глотки. Ваш любимый клоун снова на сцене. Скучали?

Зал ответил свистом и грохотом стаканов о столы. Кто-то крикнул: «Макс, ты наша звезда!». Макс усмехнулся, но взгляд его уже упал на Шона, который стоял с бас-гитарой и что-то печатал в телефоне, совершенно выпав из реальности.

— Шон, ты там с президентом пиздишь? — рявкнул он, и в голосе его прорезалась та самая ленивая власть, от которой зал затихал на секунду. — Одного тебя ждём.

Шон вздрогнул, сунул телефон в карман и виновато улыбнулся. Кто-то из зала засмеялся, и Макс, довольно хмыкнув, снова повернулся к микрофону.

— Окей, давайте по классике, — сказал он, и его голос стал чуть ниже, доверительнее, как будто он посвящал зал в личную тайну. — Недавно одна сучка облила меня виски за то, что я отказался перепихнуться с ней второй раз...

Зал заухал, одобрительно и грязно. Макс выдержал паузу, давая им насладиться моментом, и добавил с кривой усмешкой:

— Собственно, первая песня о том, почему я ей отказал.

Улюлюканье прокатилось по залу — люди уже знали эту песню, знали её ритм, её грязный припев, и готовились подпевать. Макс выдохнул, кивнул Гере, и гитара вонзилась в тишину первым, грубым аккордом. Грянуло.

Это не была музыка в привычном смысле. Это был выброс энергии. Ударные врезались в пространство тупым, неумолимым молотом. Бас-гитара была тяжёлой, перегруженной волной, от которой дрожали стаканы на столах. А потом вступил голос. Хриплый, надтреснутый, нарочито грубый. Он словно стремился врезаться в сознание. Слова долетали обрывками, утопая в какофонии, но их было достаточно.

«...красный флаг на белой простыне...» «...сучку свою...» «...красивая игрушка...»

Итан моргнул. Это не было прямо шокирующе. Это было... примитивно. Как маты написанные на заборе. Цинизм, возведённый в абсолют и лишённый даже намёка на стыд. Итан смотрел на Макса. Он стоял у микрофона, одной рукой сжимая его, другой сжимал банку энергетика, и смотрел поверх голов толпы куда-то в пустоту. На его лице была скучающая концентрация, как у рабочего, выполняющего хорошо знакомую работу. Розы и остальные качали головами в такт, улыбались. Для них это был саундтрек.

Песня закончилась рваным, небрежным аккордом. Паб взорвался криками, свистом. Макс отстранился от микрофона, отпил. Его взгляд, ленивый и расфокусированный, скользнул по залу — споткнулся об их стол. Зацепился за новое лицо. На миг во взгляде исчезла скука, сменившись быстрым, автоматическим сканированием — отмечающий несоответствие. Макс еле заметно прищурился. Зафиксировал присутствие. Потом стёр и снова стал смотреть сквозь. Он отвернулся, что-то говоря гитаристам. Словно Итан — пустое место.

Итан почувствовал это и внутри что-то дрогнуло. Странное, почти облегчённое «хорошо». Он не помнит. Он вообще не знает, о его существовании. Так и должно быть.

Рози толкнула Итана локтем в бок.

— Ну? Как тебе наши местные знаменитости?

Итан медленно выдохнул. Он заставил уголок рта дрогнуть в подобии усмешки — часть «бро-взгляда».

— Громко, — сказал он, подбирая самое нейтральное слово.

— Ага, — засмеялась Рози. — Это главное достоинство.

После трёх таких же оглушительных песен «Шлюх» паб погрузился в хаос обычного вечера. Гул голосов стал агрессивнее, в воздухе запахло потом, перегаром и нарастающей пошлостью. Рози, наблюдая, как пара у стойки уже вовсю сливается в откровенном танце, хмыкнула и встала.

— Ладно, тут скоро начнётся натурализм. Пойдём к нормальным людям.

Она потянула Итана за рукав, ведя его за кулисы, мимо груды ящиков с оборудованием, к неприметной двери с отколотой краской.

Комната была крошечной и напоминала камеру хранения: потёртый диван, три скрипучих стула, стол, заваленный пустыми банками, пачками сигарет и гитарными медиаторами, стертые кровью, потом и временем. На стенах — похабные рисунки и автографы тех, кто уже никому не был интересен.

Внутри сидели трое. Фил, занимая собой целый угол, методично протирает барабанные палочки тряпкой. Гера с ледяными глазами стоял, прислонившись к стене, и молча курил. Ангела в комнате не было — он, вероятно, уже растворился в толпе. Они подняли головы, и лица Фила и Шона расплылись в узнавании. Спрыгнув с подоконника при виде Рози, Шон подошёл к ней — обнял, чмокнул в щёку, и его рука осталась у неё на талии.

— Риз! — прохрипел Фил, его низкий голос заполнил комнату. — Где пропадала?

— Жизнь спасала, — она улыбнулась и кивнула на Итана. — Это Итан. Приехал учиться.

Шон перевёл взгляд на Итана, кивнул:

— Привет. Добро пожаловать в Гримли.

— Спасибо, — тихо ответил Итан.

Фил буркнул что-то неразборчивое, похожее на приветствие. Гера просто смотрел. Его ледяные голубые глаза скользнули по Итану — без интереса, фиксируя присутствие нового объекта. Потом перевёл взгляд.

Взгляд Рози на секунду прищурился и метнулся по комнате.

— А... где Макс?

Гера, не отрываясь от созерцания потолка — дым вырвался у него из ноздрей, как у дракона — произнёс:

— Да как всегда. Ты что, его не знаешь?

Рози закатила глаза, и её губы беззвучно сложились в слова: «Идиотка тупая». Шон усмехнулся и легонько сжал её плечо. Итан уловил это привычное, усталое раздражение. Он стоял у стены, стараясь слиться с интерьером. Руки в карманах, плечи чуть ссутулены и чувствовал себя лишним, но привычным образом.

Не успели они присесть, как дверь с грохотом распахнулась.

Макс вошёл, заполняя собой проём. Сто девяносто сантиметров костей, мышц, краски и шрамов. Воздух в комнате сменил состав — в нём появились ноты дешёвого парфюма, табака, и чего-то металлического. Вблизи он был ещё более... собранным из кусков. Из-под рваных рукавов футболки выступали руки, покрытые партаками — кривыми, синими, нанесёнными неумелой рукой. И поверх них, как варенье на белой ткани, лежали свежие и старые ожоги —

ожоги от бычков. Серые глаза, пустые и оценивающие. Пирсинг на левой брови блестел тускло, как и серьги в ушах.

Он был слегка растрёпан, а на его шее, на скуле, у уголка рта алели жирные следы чужой помады.

— Риз. — рявкнул он и его голос, теперь без микрофона, был тише, но той же текстуры — хриплой, с насмешливой, липкой сладостью на конце.

— Где тебя носило? Я тут без тебя скисаю.

— В отличие от тебя, бездельника, я работаю, — парировала Роза, но в голосе не было злости.

— Смотри не «перетрудишься», — Макс перевёл взгляд на Шона, стоящего рядом с Розой, и резко вздернул подбородок, — а то наш басист совсем вялым будет.

Шон усмехнулся, но промолчал. Макс уже собирался сказать что-то ещё, но его радар, настроенный на слабость и новизну, уже засек его. Серые глаза скользнули с Розы на паренька. Человека, которого он не знал. Или точнее, не помнил.

— О, Риз, а это кто? Новый фанат? — он шагнул ближе, рассматривая Итана уже с нарочито подчёркнутой небрежностью. — Или ты решила завести себе ручного интроверта?

Итан моргнул раз, словно внутренняя система обороны приготовилась к защите, и если потребуется — к наступлению.

— Это Итан, — сказала Роза, и в её голосе послышалась та самая, привычная нотка — смесь напряжения и защитного предупреждения. — Он теперь живёт у меня.

— Живёт... — Макс повторил слово, будто пробовал его на вкус.

Его взгляд был быстрым, как у хищной птицы: слишком аккуратные для паба волосы, сжатые плечи, скрещенные руки. Тема для разговора казалось была окончена, но напряжение не спало. Оно перераспределилось. Фил перестал протирать палочки. Шон оторвался от телефона. Гера просто прикрыл глаза, будто молясь о терпении. Все в комнате поняли: шутки кончились. Теперь Итан — новая мишень.

Макс сделал шаг в его сторону и между ними осталось меньше метра.

— Пить-то хоть умеешь? — спросил он, в его голосе был вызов. — Или всё ещё мамкину сиську посасываем?

Тишина в гримёрке стала густой. Итан поднял взгляд. Сначала на глаза. Потом чуть ниже — на след от помады у него на шее. В его голове, в ту секунду, пронеслось воспоминание: холодная вода, грязь на лице, хриплый смех у ларька: «Хорошо выглядишь, братан».

Он заставил уголок рта дрогнуть. В лёгкое, снисходительное презрение.

— Умею, — сказал он голосом нарочито спокойным. — Но твой коктейль из слюней и пота меня как-то не прет. Есть что-то покрепче? Или только детсадовские подколки?

В комнате повисла тишина. И тут же её разорвал низкий, гудящий хохот Фила.

— Охренеть! — фыркнул барабанщик, ударив ладонью по колену. — Новый пацан огонь!

Роза выдохнула. Даже Гера моргнул. Макс не двигался. Его пустые серые глаза сузились. На лице проскользнуло едва заметное раздражение смешанное с любопытством. Живым, острым, почти научным. Его жертва ответила. На его языке.

Он медленно кивнул, словно ставя галочку в невидимом отчёте.

— Крепкое найдём, — проговорил он, не отводя взгляда. — Осторожнее только, а то с такой тонкой шкурой быстро сгоришь.

Это было объявление войны. Итан понял это по мурашкам на спине. Первый раунд окончен.

По инициативе Макса — пьянка перекочевала из душной гримёрки обратно в зал паба. Он ставил на бар круг за кругом, и народ любил его в этот момент не только за песни, а за этот щедрый, бездумный жест саморазрушения.

Итан устроился на краю общего стола, в тени. Заказал тёмное пиво — не потому что хотел, а потому что это был наименее подозрительный выбор. Он отхлёбывал маленькими глотками и наблюдал. Роза устроилась рядом с басистом, и её смех стал на октаву выше, а касания — смелее. Итан видел это краем глаза, и его щемило странное чувство — одиночество на краю чужого праздника. Разговоры вокруг были такими же рваными, как и музыка «Шлюх». Обрывки споров о группах, о том, кто кого «забил» на прошлой неделе, ироничные шутки про работу, которой нет. Итан слушал, не подслушивая — впитывал атмосферу костями. Это был гимн бесперспективности, и в нём была своя, горькая искренность.

Допивая первый стакан, он поймал взгляд бармена на событие, казавшееся будничной обыденностью. Макс, уже изрядно на взводе, начал «гнать бочку» на бородатого здоровяка у стойки. Тот вначале отмахивался, но Макс, как муха, назойливо садился на больное.

— Ты говнарь, — заявил Макс с пьяной, детской убеждённостью.

— Да иди ты, — буркнул бородач.

— Нет, иди ты, — Макс сделал шаг вперёд, и в его голосе зазвучала скукающая потребность в катаклизме.

Драка вспыхнула с глухого, мокрого звука удара кулаком по челюсти. Бармен вздохнул и отставил стакан. Гера просто отодвинулся, чтобы его не задело. Это был местный ритуал, как дождь или отключение горячей воды. Итан замер, сжимая стакан. Он видел, как кровь брызнула из носа. Но он не упал, а захохотал, хрипло, безумно, и полез в ответ. А потом, когда Макс получил смачный удар в переносицу и всё-таки грохнулся на липкий пол. Итан невольно фыркнул в качестве констатации абсурда. Персонаж из его головы вдруг обрёл плоть, кровь и сломанный нос.

Драку растащили так же буднично, как и начали. Бородача вывели под руки. Макс поднялся, опираясь о стойку, держась за лицо. Кровь заливала ему рот и подбородок, окрашивая бледную кожу и цветные волосы в бурый. Он отдышался, и в его серых глазах, сквозь боль и алкоголь, мелькнуло что-то дикое, почти ликующее.

— Внимание, сейчас будет фокус... — прохрипел он на весь зал, хватая себя за переносицу.

Пол паба перевели взгляды. Раздался отвратительный, хрустящий щелчок. Итан почувствовал спазм в собственном желудке, и невольно вжался в плечи.

— Та-да! — Макс развёл руки, как фокусник, демонстрируя публике своё окровавленное лицо, но стоящим на месте носом. Кровь, однако, течь не перестала.

Итан метнул взгляд, встретился с Розой, которая так же смотрела на Макса с привычной смесью злости и жалости. Итан молча отхлебнул пива и отвернулся. Смотреть было больно. И... стыдно. За всех.

Роза подошла к нему, шатаясь.

— Всё... мы валим. Этот цирк уже видели.

Итан кивнул, с облегчением поставив недопитый стакан. Он подхватил Розу, которая стала чуть тяжелее, под завязку набитой дешёвым джином и разочарованием. Итан, крепко обхватив её за талию, повёл к выходу. Он чувствовал на спине чей-то взгляд. Овернуться он не решился.

На улице ночной воздух ударил в лицо, холодный и чистый после пабной вони. Итан молча поддерживал Розу, глядя на тёмные очертания фабричных труб на фоне грязно-оранжевого неба. В ушах ещё стоял гул, смех и тот хруст. Макс был сумасшедшим. Одержимым самоуничтожением. Но в этом самоуничтожении была какая-то отчаянная, кричащая живость.

Итан поймал себя на мысли: так же он когда-то смотрел на собственное лицо в зеркале. Только теперь он видел другого человека, который старательно, отчаянно носил глиняное лицо. И это знание было страшнее, чем если бы Макс просто был психом алкоголиком. Потому что за

маской, возможно, был кто-то, кто тоже умел смотреть в зеркало. И Итану совсем не хотелось смотреть, что находится под ней.

Глава 3

Дома Розы рухнула на кровать и заснула с ходу, будто её выключили. Даже грохот проезжающего под окнами грузовика не заставил её пошевелиться. Итан ещё час сидел в темноте своей комнаты, прислушиваясь к тишине после паба. Около двух ночи его вывел из полудрёма шум из ванной. Гулкий, вибрирующий рокот стиральной машины. В такое время? Итан насторожился. Он бесшумно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Свет из-под двери ванной был приглушённым, щель у пола распахнута на палец.

Из глубин памяти тут же вырвалась мысль о призрачном соседе. Он, стараясь не скрипеть половицами, прошёл на кухню за водой. Когда он уже пил, стоя у раковины и глядя в чёрный квадрат окна, дверь ванной со скрипом открылась. Итан на мгновение замер, моментально представляя в голове банальное приветствие.

Но на пороге возник он. Макс. В одних поношенных, низко сидящих на бёдрах штанах. Вода стекала с его соломенных волос на плечи, оставляя тёмные следы на бледной коже. Он потирал затылок и что-то неразборчиво напевал себе под нос — блюзовую мелодию с паба, только сейчас она звучала устало и глухо. Направился на кухню, и его взгляд наткнулся на неподвижную фигуру у раковины. Он замер. Брови поползли вверх.

— О, — выдохнул он, и в этом звуке было больше удивления, чем раздражения.

Итан тоже застыл, медленно опуская кружку. В голове пронеслось:

Так это он наш сосед-призрак.

Его первым инстинктом было исчезнуть. Он молча сполоснул кружку, поставил её в сушку и двинулся к коридору, глаза при этом смотря в пол.

Не оглядываться. Не оглядываться. — повторялось в голове из раза в раз, как мантра.

Но Макс был быстрее. Длинной рукой он перегородил проход, опёршись о косяк.

— Привет, сосед. Давно тут обосновался? — спросил он, и в голосе зазвучала знакомая, липковатая игривость, но глаза были трезвыми и внимательными.

Итан остановился в шаге от него. От Макс разлило дешёвым гелем для душа и свежей кровью — видимо, нос после драки всё же подтекал.

— Ага, — буркнул он, пытаюсь проскользнуть под его рукой.

Макс опустил руку ниже, блокируя проход.

— Эй, это как то невежливо, знаешь? — продолжил Макс. — Я с тобой поздоровался, между прочим.

Внутри у Итана что-то ёкнуло. Словно поднявшаяся из желудка изжога. Раздражение. Раздражение на эту игру, на его наглость, на то, что его уединение нарушено в самом безопасном месте, таким навязчивым образом. Он медленно поднял на него взгляд, встретившись с его серыми, изучающими глазами.

— Добрый вечер, сосед? — произнес он ровным, безэмоциональным тоном, в котором не было ни капли человеческого.

Макс на секунду замер, оценивая удар. Потом уголок его рта дёрнулся.

— Что ж. Ладно, — буркнул под нос, отводя взгляд.

Он опустил руку, давая ему пройти. Итан сделал шаг. И в этот момент, когда он проходил мимо, взгляд Макса, скользивший по нему сверху вниз, зацепился. За запястье. Его лицо, секунду назад ироничное, стало пустым и сосредоточенным. Почти клиническим. Итан почувствовал, как по его спине пробежал ледяной пот. Он уже почти прошёл, когда рука Макс — быстрая, точная — рефлекторно сомкнулась вокруг его запястья.

Его пальцы были тёплыми, влажными после душа. Они не сжимали, но ощупывали. Итан замер на месте, чувствуя удар сердца в горле. Медленно, очень медленно он повернул голову,

сначала посмотрел на его руку, обхватившую его тонкое запястье, потом поднял глаза на его лицо.

Собственное выражение Итана было пустым, маской спокойствия, которую он годами шлифовал. Но внутри всё сжалось в вакуумный крик.

— Что-то ещё? — его голос прозвучал тихо, но твёрдо.

Макс не отвечал. Он смотрел на свою руку, на его запястье в его захвате. Его взгляд был удивительно аналитическим. Он измерял. Сравнивал. В его голове щёлкали шестерёнки, складывая невидимый пазл. После нескольких секунд, которые показались вечностью, его пальцы разжались. Он отпустил его запястье так же резко, как и схватил.

— Нет, — сказал он голосом, который вдруг стал плоским. — Ничего.

Макс отступил, убрав руку, будто пряча улику. Его лицо снова стало непроницаемым. Итан не стал ждать. Он развернулся и ушёл в свою комнату, закрыв за собой дверь. Но не стал её запирать — это выглядело бы как признание слабости. Он просто стоял в темноте, прижавшись спиной к двери, и слушал, как его сердце колотится где-то в горле.

На кухне послышались шаги, скрип открываемого холодильника, шипение открываемой банки. Потом — тишина. А Итан стоял в темноте... сжимая в кулаке запястье, как будто мог стереть метку хищника, оставленную на его шкуре.

Мысль «больше не пересечёмся» оказалась наивной, как вера в то, что в Гримли когда-нибудь выглянет солнце. Они пересекались в «Гвозде» по средам — это было неизбежно, как закон физики. Но одной среды было недостаточно. Макс нажимал на кнопку «повтор», словно героин, сорвавший с дофамина стоп-кран. Он цеплялся. С поводом и без. Если Итан садился в дальний угол, через пять минут он пристраивался рядом, свешивая длинную руку на спинку его стула.

— Что, бро, от людей прячешься? Или от меня?

— От шума, — бурчал Итан, не глядя на него.

— Скучно тебе. Надо развеять. Эй, Фил, подай-ка сюда бутылочку чего покрепче для нашего затворника!

Если он молча пил свою газировку, его взгляд тяжело ложился на его руки.

— Странно ты стакан держишь. Мизинчик не оттопыривай, а то подумают...

Он подкидывал ему провокационные вопросы, вкрадчивым, пьяным шёпотом:

— А у тебя девчонка есть, Итан? Или парень? Да ладно, не кисни, тут все свои. Я, вот, всех люблю... нет, ты не подумай. Как людей конечно. Кроме идиотов. Ты-то идиот или нет?

Его игнорирование — холодные односложные ответы, отворот плеча, пустой взгляд в стену — на него не работало. Оно, кажется, его радовало. Как кошку радует упрямо дергающаяся верёвочка. Окружающие быстро смекнули. Фил, наливая себе виски, бросал через плечо:

— Брось, Макс, отстань от пацана. Видишь, не любит твои ласки.

— А мне интересно, — парировал Макс, не отводя глаз от Итана. — Он как закрытая книжка. На обложке — «скучный уёбок», а внутри, может быть, огонь горит.

— Новую игрушку нашёл, — фыркала какая-нибудь девушка из компании, и в её голосе звучала привычная усталость. Все знали: пока новая диковинка не надоест, покоя не будет.

Итан сидел, уткнувшись лицом в стол, чувствуя, как от его неотступного присутствия закипает мозг. Розы, тем временем, уже благополучно отключалась на плече у Шона или веселилась, забыв обо всём. А Итан оставался наедине со своей трезвостью и этим чудовищем в человеческом облике, который методично, капля за каплей, разъедал его защиту.

Кульминацией очередной среды стал дартс. Всё началось как обычно: Фил и Шон затеяли спор о том, кто кого перекидает, и через пять минут половина паба уже столпилась вокруг мишени, заключая шуточные пари на пиво. Итан стоял в стороне, прислонившись плечом к

деревянной колонне, и надеялся, что о нём забудут. Он уже научился становиться серой тенью на фоне выцветших афиш. Но Макс никогда не упускал его из виду.

— А наш новичок-то ещё не играл! — его голос, усиленный акустикой зала и выпитым виски, перекрыл общий гул. — Что за дела? Прячешься, братан?

Итан почувствовал, как внутри всё сжимается. Он покачал головой, изображая вежливую улыбку из разряда «бро-взгляд».

— Я не умею.

— Не умеешь? — Макс уже шёл к нему, расталкивая локтями смеющихся приятелей. Его походка была чуть более размашистой, чем требовала ситуация — предупредительный сигнал. — Да ты просто не пробовал. Это ж элементарно. Кидаешь острую штуку в круглую штуку. Даже Шон попадает, а у него, вон, руки из задницы.

— Эй! — донеслось от стойки.

Макс остановился в полуметре от Итана. Слишком близко. Его серые глаза блеснули в тусклом свете ламп — в них плясала та самая смесь скуки и предвкушения, которая не предвещала ничего хорошего.

— Давай. Один бросок. Докажи, что ты мужик.

Последнее слово он выделил — чуть громче, чуть чётче. Итан знал, что это ловушка. Откажешься — признаешь поражение. согласишься — всё равно проиграешь, потому что Макс этого и ждёт. Но толпа уже смотрела. Фил сложил руки на груди и ухмылялся. Гера, стоявший у окна с сигаретой, наблюдал молча, без улыбки. Роза где-то у бара болтала с кем-то из завсегдатаев, не видя, что происходит.

— Ладно, — выдохнул Итан. — Один бросок.

Толпа одобрительно загудела. Макс взял его за плечо и, с пьяной настойчивостью граничащей с грубостью, потянул его к рубежу. Театральным жестом протянул ему дротик — старый, с облезшим оперением и сточенным жалом. Итан взял его. И в этот момент понял, что зря.

Пальцы не слушались. Мелкая дрожь — результат голода, усталости, перманентного напряжения последних недель — превратила простое действие в испытание. Он сжал дротик сильнее, пытаясь унять тремор, но это только сделало руку ещё более неестественной. Будто он держал не кусочек металла и пластика, а гранату с выдернутой чекой.

— Смотрите-ка, — голос Макса раздался прямо над ухом. Он стоял сбоку, почти за плечом, и в его тоне было липкое, издевательское веселье, от которого у Итана сводило челюсть. — Рука-то дрожит. Ты чего, бро? Замёрз? Или это от страха перед такой ответственной миссией?

По толпе прокатился смешок. Кто-то крикнул: «Давай, новенький, покажи класс!». Итан выбрал воздух. И бросил.

Это был жалкий бросок. Дротик вылетел из пальцев под неправильным углом, описал вялую дугу и с глухим стуком воткнулся... в деревянный пол. В полуметре от мишени. Секунда тишины — и взрыв хохота.

— Охренеть! — заржал Фил, хлопая себя по колену. — Вот это точность!

— С таким броском ему только в шахматы играть! — поддержал кто-то из толпы.

Итан стоял неподвижно. Горячая волна стыда поднималась от груди к лицу, окрашивая щёки в алый. Он чувствовал, как горят кончики ушей, как предательски влажнеют глаза. Не плакать. Не сейчас. Только не здесь.

Макс медленно, театрально аплодировал. Три хлопка. Потом наклонился к самому уху Итана и, понизив голос до интимного шёпота, произнёс:

— А я-то думал, в тебе хоть что-то есть.

Слова ударили под дых. Итан стиснул зубы. Он уже хотел развернуться и уйти — прочь из этого круга, из этого паба, из этого города, — но Макс ещё не закончил.

— Ладно, ладно, — Макс поднял руку, призывая к тишине. — Давайте дадим ему ещё один шанс. Может, с более близкого расстояния? Эй, Фил, тащи сюда стул, наш герой будет с него кидать, как с трона!

Новый взрыв хохота. И вот тут, когда Итан сделал шаг, чтобы исчезнуть, Макс с размаху, хлопнул его по спине — просто чтобы подбодрить «своего пацана» после неудачи.

— Да не парься ты, бро, всякое быва...

Но реакция Итана была мгновенной и катастрофической. От неожиданности и боли — тупой, глубинной, отдавшейся в ребра — его тело среагировало раньше, чем разум. Он судорожно, со свистом втянул воздух и согнулся пополам, инстинктивно вскинув плечи и прижав руку к груди, будто защищая что-то жизненно важное. Его лицо исказила гримаса неподдельной, острой муки.

Смех вокруг резко стих. Повисла неловкая, звенящая пауза. Макс замер. Его рука, только что хлопнувшая Итана по спине, так и осталась висеть в воздухе. Его лицо изменилось. Сначала на нем отразилась растерянность — чистая, почти детская. Он перевел взгляд с согнутой спины Итана на свою ладонь.

— Эй, ты чего? — голос Фила нарушил тишину. — Макс, ты его что, убил?

Рози, обернувшаяся на резкую тишину, застыла. Он возникла между ними, как разъярённая фурия. Её глаза метали молнии.

— Ты совсем охренел?! — она толкнула Макса в грудь. Он не сдвинулся с места, но взгляд его, наконец, оторвался от ладони.

— Что ты к нему лезешь?!

— Риз, я просто... — Макс поднял руки в примирительном жесте, но в его голосе не было привычной насмешки. — Я ж не сильно.

— «Не сильно»?! — Рози заслонила Итана собой. — Да ты посмотри на него!

— Рози, — тихо произнёс Итан, приходя в себя. Боль отступала, но на её место приходил новый, ледяной ужас. — Всё нормально. Пойдём отсюда.

— Пойдём, — отрезала Рози, не сводя глаз с Макса.

Она потянула Итана к выходу. Он шёл, не оборачиваясь, чувствуя спиной его взгляд — острый, сфокусированный. Пазл, который он собирал все эти недели, — вдруг получил недостающий кусочек. И Макс, судя по тому, как хищно сузились его серые глаза, теперь был абсолютно уверен: этот кусочек — ключ ко всему.

— Ладно, — пробормотал он себе под нос, и уголок его рта дрогнул в кривой, почти невольной усмешке. — Значит, ты не просто скучный уёбок.

Он поднял с пола дротик, взвесил в руке и одним точным, ленивым движением послал его точно в яблочко. Но мысли его были уже далеко.

Утро в квартире Рози началось с тишины, которая обычно предшествует катастрофе. Итан чувствовал себя слегка дезориентированным. Последние дни его сон был похож на боевое дежурство, и каждое утро начиналось с проверки:

«Где я? Кто я? Всё ещё в безопасности?»

Итан открыл дверь своей комнаты, ещё сонный, волосы торчали в разные стороны, и замер. На диване в гостиной сидел Макс — откинувшись на спинку, нога на ногу, и читал. В руках у него была книга в яркой, почти кричащей обложке, на которой красовалось название: «Краткий курс квантовой физики и стриптиза». Его лицо было сосредоточенным, даже серьёзным, как будто он действительно пытался вникнуть в текст. Он поднял глаза, увидел его, открыл рот...

Итан моргнул, и его глаза стали круглыми, как у совы. Сонный мозг выдал одну-единственную команду, отточенную годами: «Опасность. Отступление». Он сделал шаг назад, в

комнату, и дверь — неожиданно даже для самого Итана — захлопнулась так, что с потолка посыпалась штукатурка. Щелчок замка прозвучал следом громче выстрела.

Макс так и застыл с открытым ртом и книгой в руках. Из кухни на шум вышла Роза с кружкой кофе в одной руке и телефоном в другой. Она перевела взгляд с закрытой двери Итана на застывшую фигуру Макса.

— Я даже не успел сказать «доброе утро», — пробормотал он, и в голосе была смесь растерянности и уязвленной гордости.

— Это потому что ты его уже окончательно заебал, — равнодушно бросила она.

Он закрыл книгу, положил её на колени, но не отвёл взгляда от двери.

— Да ладно, Риз. Мне кажется, я ему нравлюсь. Просто он ещё не понял.

Роза хотела ответить что-то острое — она уже открыла рот, чтобы сказать: «Ты нравишься только себе, придурок», — когда её взгляд упал на его лицо. Он смотрел на дверь Итана — с выражением, которого Роза не видела у него очень давно. Его лицо было напряжённым, почти серьёзным, а в глазах стояла какая-то странная, почти детская растерянность.

— Ты таблетки свои пьёшь? — спросила она ровно, без предисловий.

Макс медленно повернул к ней голову, и маска привычного цинизма скользнула на место с почти профессиональной быстротой.

— М?

Роза поджала губы, глядя на него. Она хотела спросить: «Ты вообще слышал, что я сказала?». Но вместо этого она просто устало выдохнула, чувствуя, как между ними повисает что-то новое.

— Я спросила, — повторила Роза, не повышая голоса, — пьёшь ли ты всё ещё те таблетки. Или опять решил, что ты «в порядке»?

Макс усмехнулся, возвращаясь к своей обычной развязной манере:

— Заботишься о моём здоровье? Шон ревновать будет, Риз.

Роза фыркнула. Раздражение и беспокойство смешались в ней в знакомую, привычную усталость.

— Да иди ты к чёрту, Макс, — сказала она, разворачиваясь.

Она ушла на кухню, оставив его одного в гостиной. И как только её силуэт скрылся за порогом, лицо Макса изменилось. Улыбка сползла, как капля дождя по стеклу, обнажив под ней что-то пугающе серьёзное.

Итан сел на койку и уставился в стену. Мысль, которую он отгонял днями, наконец оформилась в чёткий план:

Может, вовсе перестать выходить из комнаты до сентября?...

Но это означало остаться наедине с учебой, работой и призраком матери в своей голове. Променять одного тюремщика на другого. Итан закрыл глаза. Бегство было невозможным. Потому что Гримли был маленьким. Потому что Роза была его единственным человеком-убежищем. И потому что где-то в глубине, под всеми слоями страха и раздражения, эта война, эта невыносимая игра — была единственным, что заставляло его чувствовать себя живым. Но в этом, он никогда не признается. Даже себе.

Глава 4

Гера наблюдал за всем всегда. Это было его состояние по умолчанию. За Максом и новым пареньком — Итаном — из своего обычного угла в «Гвозде». Он был... тихим. Сидел, как тень, и пил свою газировку, будто отбывая повинность. И Макс, как мотылёк на огонь, к нему тянулся. С какой-то злой, цепкой настойчивостью. «Новую игрушку нашёл», — шептались вокруг. Гера даже не обернулся, словно не слышал.

Он смотрел, как Макс строит из себя клоуна, и в памяти всплывали обрывки их общего прошлого. Как они познакомились. Как появились «Шлюхи». Гера нашёл Фила, который мог колотить по барабанам с тупой мощью парового молота. Потом пришёл Шон с басом и своей тихой меланхолией. Позже — Ангел, чьи тёплые, бархатные риффы смягчали ледяную резкость Геры. А Макс... Макс взял свои яростные, неотёсанные строчки и испортил их. Нарочно. Добавил похабщины, цинизма, превратил боль в пошлый фарс. Гера спросил его как-то, зачем.

— Потому что это смешно, — ответил Макс, не глядя на него, выпарапывая новую строчку на обороте пачки сигарет. — Если я скажу что-то прямо, они сожмутся от жалости. А если обмажу говном и суну им в лицо — они будут хохотать и чувствовать себя крутыми. Никому нахуй не сдалась правда, Гера.

Гера не спорил. Музыка была их общим выходом. Для Геры — способ структурировать хаос. Для Макса — способ выпустить его наружу, не сойдя с ума окончательно. Теперь этот хаос был сфокусирован на новом объекте. Гера видел, как взгляд Макса задерживается на Итане. Не с привычной скучающей оценкой «фанерки», а с интересом учёного, разглядывающего редкий экземпляр. «Что он от него хочет?» — спросил как-то Шон, с беспокойством глядя, как Макс очередной раз подсел к Итану.

— Новое лицо в городе, — ответил Гера, закуривая. — Очередная мания. Переключится и забьёт.

Взгляд Геры впился в Макса, который только что подсел к Итану — насколько пристально, что он, кажется, даже не моргал. Дым вышел через ноздри. Две тяги стлели, падая пеплом. Он поймал себя на мысли, что ждёт развязки этой игры больше, чем выхода на сцену. Потому что Итан не реагировал, как все. Он существовал рядом с этим ураганом, и это сводило Макса с ума. А всё, что выводило Макса из его привычного, пьяного, циничного равновесия, было интересно Гере. Это был новый аккорд в заезженной песне их жизни.

«Быстро на углу» пахло так же, как и всегда: старым фритюром, хлоркой и тихой безнадёгой. Гера вытирал стойку тряпкой с тем же безразличием, с каким играл на гитаре. Разница была лишь в том, что здесь не было ни шума, ни поклонников, только тихое шипение плиты и редкие заказы. План был прост: отработать, собрать деньги и к сентябрю свалить в соседний регион. Билет в тихую, скучную, логичную жизнь.

Дверь с колокольчиком звякнула, и вошёл Артур. Его взгляд, вечно подозрительный, упал на Геру.

— Последняя неделя, блондин. Не забудь оставить ключи.

Гера кивнул, не глядя. Замену нашли намного раньше. Что ж, даже лучше. Знания биологии и химии были бесполезны в Гримли. Но на складе фармацевтической компании в двухстах километрах отсюда — вполне. Макс не знал. Гера не знал, как сказать. «Прощай, кстати, я сваливаю» — как-то не вязалось с их стилем.

В тот же день «замена» вошёл на своё первую смену. Гера, разгружая ящик с бутылками колы, увидел его в дверях и на секунду замер. Итан. Гера моргнул. Итан — тоже. В его глазах мелькнуло что-то вроде паники, быстро подавленное. Он кивнул, коротко, нейтрально, и прошёл за стойку, где Артур уже ворчал про фартуки и чистоту. Гера почти мысленно хмыкнул.

Макс теперь будет видеть свою «игрушку» и в этой забегаловке. Двойная доза раздражения. Или интереса.

Работали они в тишине. Гера показывал, где что лежит, как включать фритюрницу, куда складывать грязную посуду. Итан ловил на лету, молча, лишь изредка кивая. Он был... эффективен. Как солдат на чужой войне.

Слой «Божественной комедии» добавляла Софи. Бариста... Если можно было так назвать девушку, управлявшую древним эспрессо-аппаратом. Она пришла пару месяцев назад, из какого-то более южного, но такого же безнадёжного городка. У неё были тёмные, аккуратно убранные волосы и привычка теревить край фартука, когда она нервничала.

И Гера, с его холодной наблюдательностью, сразу заметил сдвиг. Обычно Софи косилась на него — он знал, что она находила его внешность привлекательной, но пугалась его ледяной отстранённости. Теперь её робкий и быстрый взгляд, стал скользить мимо него и останавливаться на Итане. Сначала это были просто взгляды с томными вздохами. Потом — маленькие жесты. Она подвигала ему сахарницу, когда он искал. Сказала «береги руки» слишком тихо, когда он чистил луковицы. Смеялась чуть громче над его редкими, сухими шутками (которые Итан выдавал, видимо, отточенные годами мимикрии).

Итан не замечал. Или делал вид, что не замечал. Он был вежлив, но отстранён. Для него Софи была просто частью пейзажа «Бистро», как треснутая плитка на полу. Но Гера видел. Он видел, как её щёки слегка розовели, когда она ловила его профиль. Видел, как она аккуратнее заправляла волосы в сеточку в дни их совместных смен. Эти жесты, правда, были безнадёжны. И Гера, зная навязчивый интерес Макса, предчувствовал, что эта тихая, невинная симпатия может стать чем-то вроде мины.

Однажды в конце смены, когда Итан ушёл в подсобку, а Софи мыла питчер, она негромко спросила:

— Гера... а Итан... он всегда такой? Немного... закрытый? Или просто стесняется?

Гера посмотрел на неё. В её глазах была такая наивная, открытая надежда, что ему почти стало неловко.

— Да, — коротко ответил он. — И лучше не лезть.

Он не знал, как сказать «потому что рядом с ним всегда будет маячить пьяный идиот». Софи лишь вздохнула и снова уткнулась в питчер, но взгляд её стал ещё более мечтательным. Она приняла его закрытость за загадочность. А это было опаснее всего.

Гера закончил смену, снял фартук. Перед уходом он задержался у двери, оглядев «Бистро». Артур ворчал у плиты. Софи перебирала чашки. Итан выносил мусор. Его фигура на фоне грязного окна казалась хрупкой и негибаемой одновременно. Он оставит этот паб, эту работу, этот город. Шона с его грустью, Филя с его барабанами. Оставит и эту странную троицу: Макса, который видит в Итане игрушку; Итана, который носит в себе какую-то непробиваемую тайну; и Софи, которая видит в нём романтического героя.

Позже. Но до тех пор, глядя, как его лучший друг бьётся головой о новую, странную стену, Гера чувствовал смутное, холодное ожидание.

Глава 5

Сообщения приходили с тошнотворной периодичностью, как капельница с ядом.

«Ты доехал нормально?» (Отправлено две недели назад. Прочитано). «Позвони. Надо поговорить.» (Вчера, 23:45). «Итан, я не шучу. Сними трубку.» (Сегодня, 18:30). «Ты меня в могилу сведешь.» (Пять минут назад).

Телефон лежал на столе в «Бистро на углу» экраном вниз, но Итан чувствовал каждую вибрацию сквозь дерево, будто это был разряд тока прямо в висок. Он мыл посуду в раковине, а в голове крутилась одна и та же пластинка: её голос, её упрёки, её абсолютная, всепоглощающая уверенность в том, что у него нет ни мыслей, ни прав, ни жизни вне её контроля. Он мыл стакан, сжимая его так, что пальцы побелели.

Сведешь в могилу. Сведешь в могилу, — крутилось в голове, ослепляя.

— Итан, бери подносы! — крикнул из зала Артур.

Он вздрогнул, чуть не выронив стакан. Мир вернулся — липкий пол, запах жира, усталость в ногах. Но пластинка в голове не останавливалась. Она лишь притихла, перейдя на низкие частоты.

К вечеру гул превратился в звенящее напряжение, натянутое между висками тугой струной. Даже тёплый душ в квартире Розы не смыл его. Он одевался в свою обычную тёмную форму, чувствуя, как каждое движение отдаётся внутренней дрожью.

— Ты сегодня какой-то... острый, — заметила Розы, нанося тушь перед зеркалом в прихожей.

— Устал, — буркнул Итан, не глядя на неё.

— Может, не пойдём?

— Пойдём, — отрезал он.

Не пойти — означало остаться наедине с телефоном и этим гулом. Паб, даже с Максом, был меньшим злом.

Шум «Гвоздя» в этот раз не обволакивал, а бил по ушам. Каждый хохот, каждый звон стакана врезался в натянутый нерв. Итан сидел, вжавшись в спинку стула, и смотрел в пену своего пива, стараясь не отслеживать мелькающую в толпе фигуру Макса. Тот сегодня был особенно заряжен, его смех резал уши безрадостно, как звук сухой стекловаты по окну.

Сообщение пришло в половине десятого.

«Хорошо. Я всё поняла. Больше не напишу.»

Ледяная волна прокатилась от груди к кончикам пальцев. Это был худший вариант. Тишина перед бурей, гарантия ночных кошмаров и чувства вины, которое разъест его изнутри. Он судорожно зачихнул телефон в карман и встал. Ему нужно было глотнуть воздуха. Или просто двигаться. Сделать уже что угодно, лишь бы сбить этот дикий ритм сердца. Он протискивался к выходу, как вдруг...

Кто-то толстый, пьяный и невероятно массивный — разворачиваясь со стойки с двумя полными пинтами — на полном ходу врезался в него плечом. Тёплое, липкое пиво хлестнуло Итану на грудь и лицо. Стакан с грохотом разбился о пол.

— Эй, смотри куда прёшь, долбоёб! — рявкнул здоровяк, его заплывшее лицо исказилось обидой, будто это на него хлестнули пивом.

В Итане щёлкнуло. Нерв лопнул. Гул в ушах сменился оглушительной тишиной, и в ней прозвучал его собственный голос — сорванный, пронзительный, полный накопленной за дни, за месяцы, за жизнь ярости.

— САМ ТЫ ДОЛБОЁБ! — крикнул он, отпрыгивая назад от собственного дикого, белого гнева. Его руки сжались в кулаки машинально, не рассчитывая на последствия, и тут же осёкся. Лицо побелело от осознания.

На лице здоровяка промелькнуло глупое удивление, сменившееся агрессией.

— Ах ты, сука... — он отставил одну целую пинту и сделал шаг вперёд, огромная лапища потянулась к куртке Итана.

Время замедлилось. Итан увидел, как Рози в ужасе вскакивает со стула. Увидел, как Шон и Фил начинают пробиваться через толпу. Но они были далеко.

А потом — метеор. С другого конца зала, будто выстрел из катапульты, в пространство между ними ворвалась длинная фигура. Макс врезался в здоровяка плечом, отшвырнув его от Итана с такой силой, что тот едва удержался на ногах. Его движение было резким, как у человека, который провёл в драках половину жизни и ненавидит тратить лишние силы.

— Ты чё, совсем, блядь, обалдел? — голос Макса был низким, хриплым и настолько насыщенным холодной злобой, что даже пьяная гопота вокруг затихла. Он стоял, слегка расставив ноги, заслоняя Итана собой. Его спина, обычно сутулая, была выпрямлена.

— Моих друзей трогать не надо. Понял?

— Это твой дружок? — бородач фыркнул, но в его глазах уже промелькнула неуверенность. С Максом драться — одно. Макс, защищающий кого-то, — тревожно.

— Да, мой, — отрезал Макс, не оборачиваясь. — Рози! — крикнул он через головы. — Забери своего психа и вали отсюда. Быстро!

Его тон не допускал споров. Рози, побледневшая, уже схватила Итана за рукав и потянула к выходу. Последнее, что увидел Итан, обернувшись у двери, было то, как Макс сделал шаг вперёд. Его движение было точным. Он не замахивался дико — он бил. Короткий, жёсткий удар в солнечное сплетение, затем хлёсткий апперкот. Здоровяк, захрипев, сложился пополам. Проявив какую-то леденящую выдержку, Макс отступил. Этого достаточно. Вытер тыльной стороной ладони подбородок и что-то тихо, настойчиво сказал склонившемуся над стойкой бородачу. Тот, к всеобщему удивлению, кивнул.

Мысль. Два слова. Контроль. Абсолютный. Итан съёжился.

Холодный воздух обжёг лёгкие, как лезвие. Итан стоял, прислонившись к кирпичной стене паба, и дрожал — мелко, неконтролируемо. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и нарастающую, тошнотворную волну осознания.

Что я наделал? Он мог меня убить. Все видели. Все слышали, как я закричал.

Рози молча курила рядом, затягиваясь так, будто хотела выкурить всю тревогу разом.

— Боже, Итан... — наконец выдохнула она. — Что это было...?

Итан не отвечал. Он смотрел на свои руки. Они всё ещё сжимались в кулаки. Где-то глубоко внутри, под слоями страха, копошилось другое чувство — стыдливое, неприличное облегчение. Дверь паба распахнулась, выбросив на улицу клубы шума и тепла. Вышел Макс. Он зажёг сигарету, щурясь от дыма. На костяшках его правой руки атели свежие ссадины. Он подошёл, остановившись в паре шагов.

— Ну что, герой? — его голос был хриплым от крика и дыма. Он смотрел на Итана с каким-то усталым, почти профессиональным презрением. — Понравилось играть в крутого?

Итан поднял на него взгляд. Слова застревали в горле.

— Никого, блядь, не ебёт, что ты тут не местный, — продолжил Макс, выдыхая струю дыма ему в лицо. — Никого не ебут твои проблемы и тараканы в башке. Чем ты, блять, думал?

Каждое слово вбивалось как гвоздь в голову. Итан сжал челюсти. Он пытался совладать с собой, но внутри всё рвалось наружу — ужас, ярость на себя, нелепая благодарность, которую нельзя было высказать. Комок в горле рос, давил на глаза. Он моргнул. Быстро-быстро. Но одна предательская слеза, горячая и солёная, всё же выкатилась и побежала по щеке, оставляя

на грязной коже чистый след. Он тут же грубо смахнул её рукавом, опустив голову, но было поздно.

Макс замолчал на полуслове, а рука с сигаретой, замерла на полпути ко рту. Его взгляд, ещё секунду назад полный холодной ярости, изменился. В нём промелькнуло непонимание, затем — та клиническая, аналитическая острота.

Рози бросила окурок и резко шагнула вперёд, встав между ними.

— Заебал со своим цирком, а теперь его упрекаешь?! — её голос дрожал от злости. — Отвали от него!

Макс медленно перевёл взгляд с Итана на неё. По выражению его лица было ясно, что он почувствовал себя оскорблённым. Рози резко смолкла, ожидая услышать что-то вроде — «И это благодарность?». Но вместо этого, его лицо снова стало пустым, каменным. Он докурил сигарету и швырнул окурок под ноги.

— Идите вы оба нахуй, — произнёс он ровно, без интонации.

Развернулся и пошёл назад к пабу, к свету и гулу, оставив их в холодной тишине улицы. Итан, всё ещё давясь собственным дыханием, смотрел ему вслед. Он видел не уходящую спину задиры. Он видел того, кто только что контролировал хаос, который Итан — по своей глупости — создал. Кто защитил, а затем — оттолкнул. Это понимание было страшнее любой драки.

А Рози стояла и смотрела на уходящую фигуру Макса, пока в её голове зрела пугающая её мысль — она не узнаёт этого человека. Она знала его пять лет. Видела пьяным, злым, разбитым. Но смирившимся... Никогда. Рози смотрела вперёд и пыталась понять, когда это началось. И как она, стоявшая рядом все эти годы, пропустила тот момент.

Пятнадцать минут спустя она снова сидела в «Гвозде», пока Итан направлялся домой. Она настояла. Ему нужна была передышка, а ей залить голову чем-то выжигающим. Макс со своей компанией оккупировал другой конец зала и не подходил. Рози налила себе джина, слишком много, и откинулась на спинку дивана. Её мутный взгляд скользнул по стенам, увешанным афишами. На одной из них, чуть более старой, кричал жирный шрифт: «ШЛЮХИ: ГОЛОС ГРЯЗИ. Рецензия Р. В.».

Её рецензия. Её маленькая победа.

Когда Рози поступила на журналистику, она думала, что будет писать о коррупции в мэрии или о проблемах бездомных. Реальность Гримли-колледжа оказалась проще: студенческая газета «Голос Гримли» интересовалась только спортивными победами и предстоящими концертами поп-звёзд в соседнем городе. А потом она впервые услышала «Шлюх». Это был диагноз. Грубый, уродливый, но в каком-то смысле честный. И она увидела в этом материю. Не для разоблачения, а для... мифологизации. Она пришла на следующую репетицию с диктофоном. Макс, увидев её, усмехнулся:

— О, пресса. Пришла посмеяться?

— Пришла послушать, — ответила она просто. — А потом — написать.

И она написала. О ярости как единственной честной реакции на упадок. О музыке как о звуковом эквиваленте граффити на заброшенном заводе. Она сравнила Геру с хирургом, вскрывающим гнилую плоть города, а Макса — с шутком, который кричит о грязи так громко, что её можно принять за шутку.

Статья взорвала тихую болотную жизнь газеты. Слава пришла не сразу. Сначала — только грязные всплески: возмущённые письма, звонки. Потом — любопытство. В Гримли, где любая искорка новости разлетается со скоростью трещины по льду в потепление, этого хватило. В одну среду в «Гвоздь» пришло в полтора раза больше народу.

Макс нашёл её после первого взрывного концерта.

— Ты нас, блядь, поэтизировала, — сказал он без улыбки, но в его глазах горел не привычный цинизм, а что-то вроде уважения.

— Мы же просто орем и дрочим на сцене.

— А я просто пишу слова, — пожала плечами Рози. — Разница невелика.

С тех пор она стала их неофициальным летописцем. Писала колонки, делала кривые, но атмосферные фото на свой старый фотик. Она вписала их в контекст, дала им значение. А они, в свою очередь, дали ей чувство цели. Что-то изменить. Пусть в масштабах одной пивнушки. Итан стал её личным, тихим проектом спасения. Когда он написал ей в отчаянии, Рози без колебаний сказала: «Приезжай». Это была её вторая журналистская статья — статья жизни, которую нужно было переписать с чистого листа. Или она просто убедила себя в этом.

А теперь её два проекта столкнулись. Макс, её непредсказуемый, но в чём-то гениальный субъект репортажей, учуял в её подопечном сюжет. Самый интересный сюжет за последнее время. И Рози знала, как работает его мозг. Он не остановится, пока не докопается до сути. А суть, если он её раскроет, может разрушить всё, что она пыталась построить для Итана. Если, конечно, он ищет суть, а не просто развлечение. Вторая мысль пугала Рози больше всего. Она видела, как Итан тупеет от его натиска, как сжимается в комок после звонков матери. Видела, как на работе на Итана смотрит Софи — с таким наивным, глупым обожанием. Рози хотелось крикнуть и той, и другому:

«Отстаньте! Не трогайте его!».

Но она не могла. Потому что Макс был частью её мира. А Софи была просто девушкой, которая влюбилась. Итан же был её лучшим другом, которого она обязана была защитить, но не знала как.

Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом асфальта, нагретого солнцем, и далёким, кисловатым шлейфом с реки. Рози шла по тротуару, щурясь от непривычно яркого света. Невероятная редкость — для королевского величества «солнце» — в их вечно серой дыре. Она решила заскочить в «Бистро», чтобы передать Гере гитарный кабель, который она ему обещал починить, и проверить, как выживает Итан на новой работе.

Подойдя к замызанному витринному стеклу, она сначала увидела привычную картину: Артур, красный от жары и злости, что-то кричал на кухню; Софи, аккуратная и немного потерянная, протирала кофемашину; Итан в чёрном фартуке, слишком большом для его худой фигуры, быстро и молча собирал со стола грязную посуду, его движения были чёткими и экономичными.

А потом её взгляд скользнул дальше, в тень под вывеской соседнего ломбарда. Там, прислонившись к стене и куря, стоял Макс. Он был в своих обычных рваных штанах и чёрной майке, а соломенные с зелёным волосы слиплись от пота на лбу. Он смотрел куда-то в сторону, будто просто ждал кого-то, но угол его обзора был таким, что взгляд периферией захватывал и дверь «Бистро», и окно за столиками.

Рози замерла на секунду, потом моргнула, резко развернулась и направилась к нему.

— Ты что, подглядываешь? — спросила она, подходя так близко, что он вздрогнул и выронил сигарету. — Это уже пахнет сталкерством, Макс. Только я не пойму, за кем? За Герой или за моим Итаном?

Макс медленно поднял на неё взгляд. В его серых глазах не было ни смущения, ни обычной наглой усмешки. Была усталая раздражённость, как у учёного, которого оторвали от важного эксперимента.

— Заткнись, Риз. Я пришёл к Гере.

— Так зайти и забери его, — Рози ткнула пальцем в сторону двери. — Чего стоишь тут, как бандит на стрёме?

— Потому что он там, — Макс кивнул в сторону окна, за которым промелькнула фигура Итана с подносом. — Если я сейчас зайду, он подумает, что я за ним тут дежурю. И начнёт ещё больше щемиться или вообще сбежит.

Он произнёс это с такой странной, почти деловой серьёзностью, что Роза на миг опешила.

— Макс, ты что... совсем больной? — она фыркнула. — Последние две недели ты только тем и занимался, что его донимал. А теперь вдруг боишься, что он сбежит? Чего ты добиваешься?

— Мне не нужно, чтобы он боялся, — коротко бросил Макс, закуривая новую сигарету. Его взгляд снова скользнул к окну.

— Я просто пытаюсь его понять. Он... Не как эти. Как будто с луны свалился. Или врёт всё время. Не пойму пока.

Роза смотрела на него, и её первоначальная ирония стала сменяться холодной тревогой. Впервые за долгое время она увидела в его глазах голод. Голод человека, который слишком долго питался ядом и вдруг учуял запах хлеба.

— Оставь его в покое, — тихо сказала она. — Серьёзно. Это не шутки.

— Я знаю. Отвали, Риз. — возразил Макс, и в его голосе прозвучала неподдельная обида.

В этот момент дверь «Бистро» открылась. Вышел Гера, кинув беглый, ничего не выражающий взгляд на окно. Он видел Макса у стены. Видел Розу. И, кажется, составил полную картину без единого вопроса. Потом, просто подошёл.

— Готов? — спросил он у Макса, кивнув Розе.

— Давно. Тебя только за смертью посылать. — Макс хмыкнул, но встал от стены, отряхиваясь.

— Кабель принесла? — Гера обратился к Розе, игнорируя его.

Пока Роза рылась в сумке, она видела, как задумчивый взгляд Макса в последний раз задержался на окне «Бистро».

— Ладно, пошли. — сказал Макс, хлопнул Геру по плечу и, не прощаясь, зашагал в сторону паба.

Гера взял у Розы кабель, кивнул и пошёл за ним. Роза осталась стоять на тротуаре. Тишина после — давила. Она посмотрела на уходящие спины двух друзей, потом на окно «Бистро», где Итан, ничего не подозревая, вытирал стол.

Она шутила про сталкера. Но сейчас это перестало казаться смешным. Макс выстраивал какую-то стратегию. И самое страшное было в том, что он, кажется, искренне верил, что это «наблюдение», а не преследование.

Боже, — подумала Роза, чувствуя, как подкатывает тошнота. — *Он двинулся по-настоящему.*

Колокольчик звякнул, оповещая о её входе. Ей нужно было увидеть Итана. Убедиться, что тот ещё цел. И попытаться... хотя бы попытаться, как-то подготовить его к тому, что шторм по имени Макс уже не просто бродит где-то рядом.

Глава 6

Тишина в комнате была обманчива. Итан сидел за своим столом, пытаясь сосредоточиться на теории литературы. Слова расплывались перед глазами. В ушах стоял фантомный гул — эхо от грохота «Гвоздя», смеха компании и, главное, — хриплый, цепкий голос, который последние недели преследовал его даже здесь, в казарменной тишине его комнаты. Телефон на столе лежал экраном вниз. Молчал. Но он чувствовал его, как чувствуют заряженное оружие в соседней комнате.

Он завибрировал. Резко, грубо, разрывая тишину. Итан вздрогнул так, что рука дёрнулась и опрокинула чашку с остывшим чаем. Тёмная лужа поползла по конспектам. Он не шелохнулся, уставившись на чёрный пластиковый корпус. Тот прыгал на столе, жужжа, как разъярённая оса. На экране горел просто номер. Номер из города, которого для него больше не существовало.

Первый звонок он проигнорировал. Дыхание стало частым и поверхностным. Она просто проверяет. Не взял трубку — значит, занят. На работе. Логичная часть мозга пыталась успокоить остальное, что уже сжималось в холодный, животный комок страха.

Телефон замолчал. На пять секунд. Потом снова загудел. Настоячивее. Требующе. Итан осторожно взял его, почти выронил из мокрых от чая пальцев, и нажал «отклонить». Слишком резко. Потом судорожно выключил звук и швырнул устройство на кровать, как будто оно могло ужалить.

Тишина вернулась, но теперь она была другой — напряжённой, звенящей от неозвученных слов. В комнате стало нечем дышать. Он встал, подошёл к стене, прижался лбом к прохладному кирпичу. За окном выше был Гримли — серый, но принимающий. Однако сейчас он казался ненадёжным укрытием. Стены квартиры стали тонкими, как бумага. Он представлял, как на том конце провода его мать стоит в прихожей, сжимая трубку. Её лицо искажено не просто гневом, а чем-то худшим — патологической тревогой, превращённой в контроль. Он знал этот взгляд. Он жил у него внутри.

Третий звонок. Телефон на кровати лишь слабо мигнул светом уведомления, но Итан почувствовал это вибрацией в костях. Он закрыл глаза. Правила матери были просты и неумолимы: один пропущенный звонок — невнимательность. Два — неповиновение. Три — предательство. За предательством следовало наказание.

Но какое наказание могло последовать отсюда? Мысль была иррациональной, но паника редко бывает рациональной. Она найдёт. Она придёт. Она увидит Розу, увидит Макса, увидит «Бистро», увидит «Гвоздь». Она всё испортит. Всё отнимет.

Итан сполз по стене на пол, обхватив колени руками. Дыхание стало сбиваться, в груди застучало, как будто сердце пыталось вырваться через рёбра. Комната поплыла. Старая, знакомая волна тошноты. Мурашки по коже. Холодный пот. Нечем дышать.

Он закусил губу до крови, пытаясь взять контроль.

Ты не там. Ты здесь. Ты в безопасности. — Аффирмации работали плохо. Спасением был только один, извращённый метод — углубить контроль. Контроль над тем, что осталось подвластным.

Боль была чёткой, конкретной, своей. В ней не было матери, не было Макса, не было страха разоблачения. Был только он и эта жгучая пустота внутри. Телефон замигал в четвертый раз. Потом смолк. Итан медленно поднялся с пола, опираясь о стену. Ноги дрожали. Он подошёл к зеркалу. В тусклом свете смотрело на него бледное лицо с тёмными кругами под глазами. Лицо испуганного мальчика. На секунду ему захотелось разбить зеркало, чтобы не видеть этого отражения — ни того, что было, ни того, что должно было быть.

Вместо этого он повернулся, вышел в коридор и направился на кухню за стаканом воды. Руки всё ещё дрожали. Завтра смена. Послезавтра — «Гвоздь». Макс будет там. Мысль о его оценивающем взгляде, о его провокациях, которые раньше вызывали лишь раздражение, теперь наполнилась новым, леденящим ужасом. А что, если он увидит? Он уже что-то видит. Что-то подозревает. Или, что хуже, уже знает.

Итан выпил воду, чувствуя, как холодная жидкость обжигает пустой желудок. Страх перед матерью и назойливое, опасное внимание Макса сплелись в один тугой узел в его горле. Два разных вида тюремщиков. Один — далеко, но его голос проникал сквозь сотни километров. Другой — здесь, в двух шагах, и его интерес был всё менее похож на шутку.

Он вернулся в комнату, сел на кровать, взял телефон. Не включая звук, он уставился на экран. На четыре пропущенных вызова. И на безмолвную, тёмную тишину, которая воцарится до следующего раза. А следующий раз будет. Обязательно будет. Итан обхватил себя руками, стараясь дышать ровно. Он должен был держаться. Должен был казаться сильным. Неизменным. Нормальным. Потому что любое проявление слабости было приглашением. Приглашением для матери. Или для Макса.

Итан чувствовал нутром, следующая встряска... развалит всё окончательно.

Воздух был густым от дыма, пота и грохочущей музыки «Шлюх». Итан стоял у барной стойки, вжимаясь спиной в дерево, пытаясь стать частью интерьера. В руке он сжимал третий за вечер стакан. Не пива — что-то крепче, сладкое и липкое. «На, выпей, а то как девчонка», — бросил кто-то из компании, и все засмеялись. Отказаться было нельзя. Но и пить — тошнотворно.

Всё тело звенело от внутреннего напряжения. Голод был уже не чувством, а физической пустотой, дырой под рёбрами, которая высасывала все силы. Но сегодня к этому прибавилась тупая, ноющая боль в грудной клетке, которая появлялась с каждым вдохом. Телефон в кармане сегодня молчал, но тишина была хуже. А вокруг — гам, хохот, и он. Макс. Он сегодня не приставал. Он наблюдал. Его серый, неотрывный взгляд был как луч прожектора на беглеце.

Итан отпил. Сладкий сироп ударил в пустой желудок, и всё внутри сжалось в болезненный спазм. В глазах поплыли тёмные пятна. Музыка внезапно стала далёкой, медленно превращаясь в сюрреалистичную какофонию. Он сделал шаг, чтобы прислониться к стойке крепче, и мир накренился. Звуки спрессовались в низкий гул. Свет от неоновых ламп расплылся в кислотные ореолы. Ноги размякли, словно кто-то перерезал сухожилия. Он чувствовал, как падает, но медленно, будто в сиропе.

Падение прервал резкий, сильный толчок под мышками. Чьи-то руки, длинные и цепкие, подхватили его, не дав рухнуть на пол.

— Эй, смотрите, новичок не вывозит! — раздался чей-то размытый голос.

— Задремал на ходу! — захохотали другие.

Но голос, который прогремел прямо над его ухом, был низким, резким и не терпящим возражений:

— Всё, мудаки, шоу окончено. Он с перепоя. Выведу, а то тут блевать начнёт.

Голос, что обычно звучал как полный ленивой насмешки, сейчас был плоским, как лезвие. Одной рукой он крепко держал его под мышку, почти на весу, другой раздвигал толпу, двигаясь к выходу. Его запах — сигареты, дешёвый дезодорант, что-то металлическое — ударил в ноздри, вызывая новый прилив тошноты. Итан попытался что-то сказать, протестовать, но язык был ватным, а мир... Сложно сказать каким, конкретно.

Его выволокли на улицу. Ночной воздух, холодный и влажный, ударил по лицу, как оплеуха. Он задышался, пытаясь вдохнуть, но лёгкие не раскрывались.

— Дыши медленно, — бросил голос, таща его почти волоком. — Глубоко. Не глотай, как рыба.

Он открыл заднюю дверь машины, почти втокнул его внутрь на сиденье и сам сел рядом, захлопнув дверь. В салоне пахло бензином, старым пластиком и им. Тишина, после пабного ада, была оглушительной.

— Дай руку, — приказал он, его голос в замкнутом пространстве звучал громко и чётко.

Итан машинально протянул дрожащую руку и попытался разглядеть. Пальцы Макса — шершавые, в шрамах — нашли его запястье, прижались к точке пульса. Его прикосновение было не просто грубым, а точным. Клиническим. Он смотрел на свои часы, считая удары. Его брови сошлись.

— Сердце колотится как у загнанной мыши. Ты что, вообще не ел сегодня? — спросил он, и в его был холодным, как у врача на приёме.

Итан качнул головой, пытаясь отдернуть руку. Спазм скрутил его с новой силой, он согнулся пополам, застонав.

— Всё... всё болит, — выдавил он, сорванным голосом.

— Ладно, — сказал он с профессиональной жёсткостью. — Тогда в больницу.

Он уже потянулся к ручке двери. Итан протрезвел на треть. Он резко вцепился в его руку так, что Макс на мгновение замер.

— Нет! — голос сорвался на хрип, в нём звучала паника. — Пожалуйста... только не больница. Я не могу... Не надо.

Итан почувствовал его растерянный взгляд на себе. Макс медленно выдохнул.

— Ладно, — сказал он, заставляя голос звучать ровнее. — Тогда я сам посмотрю.

Он отпустил его запястье и, без лишних церемоний, положил ладонь ему на живот, чуть ниже солнечного сплетения, оценивая напряжение мышц через тонкую ткань футболки. Его рука была тёплой и невероятно тяжёлой. Итан замер, его охватил новый, леденящий ужас. Отрезвление влетело окончательно как стрела. Он моментально пожалел о своём решении.

— Расслабься, не умрёшь, — пробормотал Макс, но его собственный голос вдруг затих.

Его пальцы, ощупывающие область желудка, на секунду замерли. Потом медленно, почти невероятно медленно, сместились чуть выше, к нижним рёбрам, прощупывая структуру под тканью.

И его лицо изменилось. Вся маска циничного балабола сползла, обнажив что-то голое и шокированно-внимательное. Его глаза, широко раскрытые, уставились куда-то в пространство перед собой, будто его мозг с бешеной скоростью обрабатывал новые данные: аномалию в строении рёбер, отсутствие ожидаемой мышечной массы, ту самую тонкость каркаса, которую нельзя списать на обычную худобу.

Вдруг, он резко поднял край футболки. И его брови взлетели. Макс замер, словно от этого зависела его жизнь. Глубокие, бледно-синие полосы тянулись вокруг грудной клетки, словно высушенные реки. Кожа была отёкшей. И причиной тому были плотные, эластичные бинты. Они охватывали его грудную клетку спиралью, виток за витком, так туго, что казалось — если провести пальцем по краю, можно самому почувствовать, как они впиваются в рёбра.

Макс резко отдернул руку, как от огня. Потому что пазл встал на место. Но не тот... что он себе придумал. Все странности — осторожность, голод, паника, тонкое запястье, физическая слабость, манера держаться — сложились в одну, неопровержимую картину.

Он поднял голову и посмотрел на него. По-настоящему посмотрел. Впервые. Итан увидел в его глазах то, чего боялся больше смерти. Не похабный интерес. Не гнев. Он увидел понимание. А потом — стремительно нарастающую тревогу.

— Ты... Девушка? — Он понял. Всё.

Это осознание влетело в неё с силой физического удара. Всё, что она строила, всё, за что цеплялась — учёба, работа, маска Итана, хрупкая безопасность Гримли — рассыпалось в прах в этом тесном, вонючем салоне его машины. Паника, которую она сдерживала днями, прорвала плотину. Это был животный, всепоглощающий ужас. Воздух перестал поступать в лёг-

кие. Горло сжалось. Сердце заколотилось так, что казалось, разорвёт грудную клетку, колотясь прямо в горле, в ушах, перед глазами. Слёзы хлынули ручьём, беззвучно. Голосовые связки не слушались. Она отчаянно забилась в угол сиденья, пытаясь сделаться меньше, исчезнуть, вжаться в металл двери. Её лоб с глухим, болезненным стуком ударился о стекло окна. Она даже не почувствовала боли, но Макс вздрогнул, как от удара током.

— Эй... Эй, слушай, тихо... — голос Макса прозвучал не своим тоном. Он был сдавленным, почти испуганным. Он протянул к ней руку, но не касаясь, будто боялся обжечься или спровоцировать ещё большую истерику. — Тихо, дыши... Чёрт. Чёрт! Я же не... Я ничего не сделаю...

Но его слова не долетали. Она видела только его лицо — бледное, с искажёнными чертами, с тем самым пониманием в глазах. Её мир сузился до этого салона, до его взгляда и до всепоглощающего чувства, что всё кончено. Она сжалась в комок, схватилась рукой за футболку в районе сердца. Мышца левой груди сжалась, словно окаменела. А тело сотрясло беззвучными, бесконечными судорогами животного страха... смерти.

А он сидел в полуметре от неё, с протянутой и беспомощно застывшей в воздухе рукой, глядя на эту картину полного краха, который он, сам того до конца не желая, помог спровоцировать. Его собственное дыхание замерло. Впервые за долгие годы он не знал, что сказать и что делать. Потому что перед ним была не тайна, не головоломка... а человек.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.